

Муртаза Мутаххари

Непознанная сущность имама Али

Предисловие

‘Али (мир ему!) – слишком великая и всесторонняя личность, чтобы отдельно взятый человек мог рассмотреть и полностью характеризовать его, представив его мысленный портрет. Отдельно взятому человеку в пределах его возможностей приходится довольствоваться лишь только рассмотрением одной или нескольких конкретных особенностей этой великой личности.

Одной из областей в совокупности отличительных особенностей этой великой личности можно считать его способность влиять на людей в положительной и отрицательной форме, иными словами, его мощные привлекательные и отталкивающие особенности, которые играют действенную роль и поныне и о которых речь идет в настоящей книге.

Личностные особенности индивидов с учетом ответной реакции на них в сердцах и сознания людей неодинаковы. Чем незначительнее личность, тем меньше его влияние на сердца и мыслях людей, и чем она значительнее и сильнее, тем больше она запоминающаяся и вызывающая ответные реакции, как отрицательные, так и положительные.

Запоминающиеся и вызывающие ответную реакцию личности больше становятся предметом разговоров, суждений и споров, становятся темой стихов, живописи и иных направлений искусств, а также героями романов и других сочинений. Все эти суждения в максимальной степени соответствуют личности ‘Али (мир ему!), в этом плане ему нет равных, или, если есть, то в очень ограниченном количестве. Утверждают, что когда Мухаммад бин Шахрашуб Мазандарани, один из выдающихся имамитских религиозных ученых XIII века написал совою книгу «Манакиб» («Добродетели»), он имел в своей библиотеке тысяча одноименных книг, посвященных ‘Али. Данное обстоятельство является отчетливым подтверждением того, что выдающаяся личность Его Светлости в ходе истории постоянно находилась в центре внимания людей.

Отличительная особенность ‘Али (мир ему!) и других освещенных лучами Истины личностей как раз и заключается в том, что они, постоянно находясь в центре внимания людей, освещали и укрепляли сердца и дух человека лучами веры, любви и вдохновения.

Философы, такие как Сократ, Аристотель, Платон, Авиценна и Декарт также являются героями, занимающими сердца и умы людей. Таковыми являлись и руководители социальных революций, особенно за последние два столетия, которые, вместе с тем, сеяли в сердца своих последователей своего рода предвзятые чувства. А суфийские шейхи иногда до того ввели своих послушников в стези «покорности», что они были готовы одним указанием своего предводителя окроплять свои моленные коврики вином. Но, ни у кого из них мы не наблюдаем ту смешанную с изысканностью, мягкостью, чистотой и состраданием теплоту, которая исторически свойственна последователям ‘Али. И если Сефевиды¹ и создали из числа дервишей отборную армию воинственных муджахидов, то это им удалось именем ‘Али, а не благодаря собственным стараниям.

Духовная красота и изысканность, порождающая любовь и преданность – это одна категория, а свойственная общественным руководителям господство и жизненные интересы, или разум свойственная философом и средства, обеспечивающие господство и могущество суфия-гностика – совершенно другие категории.

Известен рассказ, согласно которому один из учеников Ибн Сины (Авиценны) обращаясь к нему сказал: «Если ты с твоим интеллектом и дальновидностью претендуешь на пророчество, то люди будут следовать за тобой». Ибн Сина в ответ ничего не сказал. Однажды в ходе одной из своих зимних путешествий Ибн Сина, проснувшись рано утром, разбудил этого своего ученика и попросил его принести воду для утоления жажды. Ученик под разными предлогами отказался сходить за водой. Сколько Ибн Сина не просил, ученик никак не решался в то холодное зимнее утро покинуть теплую постель. В этот момент раздался голос муэдзина,² который гласил: «Аллах Акбар! (Аллах – Велик!), Свидетельствую, что нет другого божества, кроме Аллаха! Свидетельствую, что Мухаммад – Его посланник!». Ибн Сина нашел этот момент подходящим для ответа на поставленный этим учеником вопрос и сказал: «Ты посоветовал мне претендовать на пророчество и заявил, что все будут следовать моему призыву. Теперь сам подумай, мое непосредственное поручение не имело на тебя, который уже много лет являешься моим учеником и присутствуешь на моих уроках, никакого действия, и ты не решился хоть на мгновение покинуть теплую постель и принести мне воду. Но этот муэдзин, четыреста лет спустя, следовал завету Пророка и, покинув теплую постель, с возвышенности заявляет о своей вере в единстве Господа и пророчестве Мухаммада. Теперь сам подумай, какова разница между пророком и простыми смертными».

Действительно, философ воспитывает учеников, а не последователей; политические руководители воспитывают фанатичных последователей, а не безупречных людей; суфийские шейхи и предводители воспитывают покорных послушников, а не верующих, обладающих активной жизненной позицией.

‘Али пользуется качествами и философа, и революционного лидера, и мудрого шейха, предводителя целеустремленных искателей Бога, он наделен также и некоторыми качествами пророков. Его школа является, как школой разума и мышления, мценция и революции, так и школой покорности, дисциплины, школой красоты, привлекательности и движения.

‘Али (мир ему!) прежде чем быть справедливым имамом³ для других и относиться к другим справедливо, сам являлся уравновешенным созданием, строго взвешивающим свои действия. Он сконцентрировал в себе все совершенные человеческие качества. Он отличался как глубокомыслием и дальновидностью, так изысканной и богатой духовностью. Сочетал в себе

¹ Сефевиды - династия персидских шахов в 1502-1736 гг. Основатель - Исмаил I, потомок основателя суфийского ордена Сефевие Шейха Сафи, по имени которого названа династия. Важнейшими представителями этой правящей династии были: Исмаил I, Аббас I, Тахмасп I.

² Муэдзин (от араб. «азана» - «извещать», «объявлять») – служитель мечети, призывающий с минарета верующих мусульман на молитву.

³ Имам (от араб. «амма» - «стоять впереди», «предводительствовать») – глава исламской общины.

физическое и духовное совершенство. Ночь, во время молитвы он забывал обо всем другом (кроме Бога), а днем вел активное действие среди людей. Днем люди узрели его благодеяния и жертвенность, слышали его наставления и мудрые изречения, ночью звезды созерцали его слезы благочестивого умиления, а небо слышало его полные любви молитвы, обращенные к Господу. Он одновременно был муфтием и мудрецом-философом, знатоком и последователем 'ирфана¹ ('арифом) и общественным лидером, аскетом и воином, судьей и рабочим, проповедником и писателем. Одним словом, он был совершенным человеком со всеми его прекрасными и похвальными качествами.

Настоящая книга включает в себя четырех лекций, прочитанных автором с 18 по 21 дней рамазана 1388 (9 по 12 сентября 1968) года в Хусейние Иршад и состоит из введения и двух частей. Во введении в общих чертах дается понятие привлекательности и отталкивания и в частности говорится о привлекательных и отталкивающих сторонах характера людей. Предметом суждений первой части книги стала привлекательность 'Али (мир ему!), которая постоянно притягивала и притягивает сердца, а также философия и выгоды этой привлекательности. Во второй части рассматриваются сильные отталкивающие стороны личности, и достаточно подробно говорится о том, какие элементы становятся предметом этого отталкивания. Доказано, что у 'Али (мир ему) замечается двойственная сила, и каждый, кто желает воспитываться в его школе, должен обладать этой двойственной силой. Тем не менее, для представления школы 'Али одно лишь обладание двойственной силой далеко не недостаточно.

В этой книге предпринята попытка показать, какие индивиды стали предметом воздействия притягательной силы 'Али, а какие лица подвергнуты им отталкиванием. О, как много из нас, претендуя слиться его последователями, отталкиваем тех, которых 'Али притягивает, и взамен притягиваем тех, которых он опровергает. Во второй части данной книги, где говорится об отталкивающей силе 'Али, затрагивается только лишь вопрос о хариджитах,² тогда когда область отталкивания 'Али охватывает и некоторые другие группы людей. Может быть, в другом случае или хотя бы при новом издании данной книги мы будем предпринимать попытку устранить этот недостаток, так же как и другие недостатки, допущенные в нынешнем издании.

Труд, связанный с поправкой и редактированием лекций, брал на себя уважаемый ученый господин Фатх Аллах Омиди. Половина этой книги отредактирована по магнитофонным записям именно этим многоуважаемым человеком. Вторая половина составлена на основе моих устных изложений, которые после частичного редактирования упомянутым уважаемым ученым и внесенных мною некоторых изменений были добавлены к тексту данной книги. Надеюсь, что книга вышла полезной и поучительной. Молюсь Всевышнему Господу, чтобы мы были истинными последователями 'Али (мир ему!).

Муртаза Мутаххари

Тегеран.

11 эсфанда 1349 года хиджри солнечный

4 священного мухаррама 1391 года хиджри лунный,

2 марта 1971 года от Рождества Христова.

¹ 'Ирфан (от араб., букв.: «знание») – достижение божественного Абсолюта преимущественно посредством интуиции, а не путем дискурсивного мышления. Обладающий подобными знаниями – *ариф*, *гностик*. Далее вместе распространенного в русскоязычной литературе слов «мистик» и «мистицизм» мы используем термины «'ариф» и «'ирфан». Сущность и содержание этих терминов до определенной степени будут раскрыты в данной книге при рассмотрении личностных качеств 'Али.

² Хариджиты (от арабского «хараджа» - «выступать») – самая ранняя в исламе религиозно-политическая группировка, образовавшаяся в ходе битвы халифа 'Али против не признающего его власть наместника Сирии Му'авии при Сиффине, на правом берегу реки Евфрат в июне 657 года. В ходе этого крупного сражения 'Али, нанеся поражение сирийским сторонникам Му'авии, тем не менее, для устранения разногласия между мусульманами согласился на третейский суд. Му'авийа умело воспользовался этой ситуацией в своих политических целях. А группа сторонников халифа 'Али количеством 12 тысяч воинов покинули его лагерь под Куфой, объявив третейский суд несовместимым с духом ислама. Впоследствии, эта группировка повела борьбу как против Омейядов, так и против 'Али, который в 661 году пал от рук одного из хариджитов.

Во имя Бога Милостивого и Милосердного

«Верующие, как мужчины, так и женщины, - друзья друг другу: призывают они к благу и отговаривают от дурного, совершают салат, вносят закат, повинуются Аллаху и Посланнику Его. Смиловится Всевышний над ними: ведь всемогущ Он, премудр». (Коран, 9: 71)

«Совершенно одинаковы мунафики, - как мужчины, так и женщины, - призывают к дурному и отговаривают от благого». (Коран, 9: 67).

Введение

- Закон притяжения и отталкивания
- Притягивание и отталкивание в мире людей
- Противоречия между людьми с учетом притягательности и отталкивания
- ‘Али – личность с двоякой силой.

Во имя Всевышнего

Закон притяжения и отталкивания

Закон притяжения и отталкивания – это всеобщий закон, который действует по всей системе мироздания. С научной точки зрения, известно, что никакая частица реального мира не может оказаться вне власти всемирного тяготения, и все в мире подчинено этому закону.

Начиная с самых огромных веществ и больших тел до мельчайших частиц в мире, все подчиняется этой таинственной силе притяжения и все тем или иным образом находится под его влиянием.

Люди древних времен еще не догадывались о наличии всемирного закона притяжения, но наличие силы притяжения между отдельными телами им уже было известно, и некоторые вещи, такие как магнит и эбонит они считали символом этой силы. Они, не догадываясь о связях, основанных на притяжении между всеми веществами, тем не менее, знали о наличии притягательных связей между магнитом и железом или эбонитом и сеном.

*Все частицы, находящиеся на земле и на небесах,
Притягивают друг друга, подобно эбониту и сены.¹*

Кроме того, в те времена люди считали, что сила притяжения действует по отношению не ко всем твердым телам, а только по отношению к Земле, которая расположена по середине небосвода и притягивается со всех сторон. И так как эта сила притяжения воздействует со всех сторон равномерно, то Земля невольно будет располагаться посередине небосвода и в ни какую сторону не отклоняется. Некоторые другие были уверены, что небо не притягивает, а, наоборот, отталкивает Землю от себя, но с учетом того, что сила отталкивания со всех сторон равномерна, то Земля, располагается в определенной точке, не меняя свое местопребывание.

Все признавали наличие сил притяжения и отталкивания и в мире флоры и фауны, то есть утверждали, что мир животных и растений обладает тремя главными силами: сила освоения пищи или питания (*газийя*), сила вегетации (*намийя*), сила воспроизводства (*муваллида*), сила пищеварения (*хазима*) и сила удерживания (*масика*). И утверждали, что в желудке имеется сила притяжения, посредством которой пища притягивается, а когда пища приходится ему не по вкусу, то желудок отторгает ее.² Кроме того, по их утверждениям, в печени существует сила притяжения, благодаря которой вода притягивается к ней.

*Желудок притягивает хлеб до места расположения,
А вода притягивается теплом, имеющимся в печени.³*

Притяжение и отталкивание в мире людей

Здесь под словами «притяжение» и «отталкивание» подразумеваются не сексуальная притягательность или отталкивание, хотя они также относятся к особым видам притяжения и отталкивания. Ибо эти формы притяжения и отталкивания представляют собой отдельную тему и к нашим рассуждениям особого отношения не имеют. Здесь в целом речь идет о таких формах притяжения и отталкивания, которые имеют хождение в отношениях между людьми в социальной сфере. В человеческом обществе есть еще и другие формы сотрудничества, которые осуществляются на основе общности интересов и которые, конечно, также выходят за рамки нашей темы.

Значительная доля дружественных и враждебных отношений между людьми основаны именно на проявлениях человеческой притягательности и отталкивания. Эти притяжения и отталкивания основаны на однородности и сходстве или противоречивости и взаимной неприязни.⁴ И действительно, основную причину притяжения и отталкивания следует искать

¹ Двустипшие принадлежит перу Джалал ад-дина Руми.

² Но сегодня представляют структуру живых организмов в качестве механического устройства, а силу отторжения – подобием насоса. (*Примеч.автора*).

³ Двустипшие Джала ад-дина Руми.

⁴ В отличие от электричества, при котором две одноименные полюсы отталкивают, а различные полюсы – притягивают друг друга. (*Примеч. автора*).

именно в однородности (сходстве) и противоречивости, и как явствует с точки зрения философских диспутов: сходство – причина совместимости.

Иногда два человека притягивают друг друга и желают дружить. В этом свой секрет, а именно, - наличие между ними сходства. Пока между ними нет никакого сходства, они не могут притягивать друг друга и не склонны дружить друг с другом. Другими словами, близость двух существ является причиной наличия между ними какого либо сходства.

В «Маснави»¹ приведен захватывающий рассказ:

Некий мудрец заметил ворона, который дружил с аистом. Они всегда были вместе и летали вместе. Две птицы разного рода. Между вороном и аистом не было никакого сходства ни по внешности и не по цвету. Мудрец удивился установившейся между ними дружбой. Он подошел к ним близко, внимательно посмотрел на них, и установил, что обе птицы хромали на одну ногу.

*И сказал мудрец: «Видел однажды в пустыне
Связанного дружбой ворона с аистом одним.*

*Я был удивлен и стал наблюдать за ними,
Чтобы узнать, чего между ними общего.*

*Приблизился к ним в состоянии удивления
И заметил, что обе они были хромыми.*

И эта хромота объединяла дружбой двух совершенно разнородных пернатых. Люды также не дружат друг с другом без всякого на то основания, точно также как и не враждуют без всякой на то причины. Человек – существо нуждающееся, и эта нужда заложена в его природе. Он постоянно стремится заполнить этот природный вакуум и удовлетворить свои нужды. А это возможно только тогда, когда он объединяется с определенной группой людей и прервет всякие связи с другой группой и тем самым, используя первую группу для удовлетворения своих нужд, обезопасит себя от козней второй группы. И мы не замечаем у него никакого проявления симпатий и отвращений, которое не было бы основано на его наемного характера сознании. С учетом всего этого жизненная необходимость и его природная структура сделали человека привлекательным и отталкивающим, чтобы он сблизил к себе то, что считает для себя полезным и отторгал, то, что не соответствует его интересам, а к тому, что для него не является ни полезным и ни вредным, был равнодушным.

Действительно, притяжение и отталкивание являются двумя важными компонентами жизни человечества, и по мере уменьшения этих компонентов жизнь человека теряет необходимую стабильность. И в итоге тот, кто имеет больше возможности заполнять упомянутые вакуумы, привлекает других людей, а тот, кто не в состоянии заполнить эти вакуумы, и наоборот, способствует их увеличению, отталкивает людей от себя, а безразличные люди уподобляются оставшимся на обочине камням.

Разногласия между людьми по вопросам привлекательности и отталкивания

Люды по степени своей привлекательности и отталкивания неодинаковы и подразделяются на различные категории:

1 – Люди, не обладающие ни привлекательностью и ни отталкивающими особенностями; никто не любит их, и никто не враждует с ними; они не могут возбудить ни любовь и привязанность, ни зависть и враждебность; они ходят среди людей в безразличном состоянии и подобны камням на обочине.

¹ «Маснави» - полное название «Маснави-йи ма’нави» («Духовная поэма») – знаменитое поэтическое произведение Джала ад-дина Руми, признанное как энциклопедия и свод правил и принципов ‘ирфана.

Это слабое существо, без всякого влияния. Это – человек, у которого нет ни одной привлекающей внимания черты, как с точки зрения превосходства, так и с позиции гнусности. Он подобен животному, ходившему среди людей и овце, которая никому не является ни другом и ни врагом, и если и ухаживают за ней, то только ради того, чтобы в подходящее время пользоваться ее мясом. Он не создает ни положительную и ни отрицательную эмоциональную волну. Подобные лица – это группа никчемных и беспочвенных людей, ибо человек нуждается в том, чтобы он сам любил и был любимым, и можно сказать, что он нуждается еще и в том, чтобы он сам ненавидел и его ненавидели.

2 – Люди, у которых имеется привлекательность, но нет отталкивающих особенностей. Они находят общий язык и общаются со всеми; превращают в своих последователей лиц, любой категории; все любят их и никто ими не пренебрегает; когда подобные люди умирают, мусульмане омывают их святой водой Зам-Зама¹, а индусы их сжигают на священном огне.

*Смирись с добром и злом, о, 'Урфи, чтобы после твоей смерти
Мусульмане омывали тебя водой Зам-Зама, а индусы сжигали.*

По рекомендациям этого поэта,² в обществе, который состоит из мусульман, которые читают над усопшим ритуальную молитву и в знак уважения омывают его святой водой, а также из индусов, в знак уважения сжигающих усопших, следует жить так, чтобы тебя считали своим и уважали, как индусы, так и мусульмане. И как индусы, так мусульмане провожали тебя в последний путь согласно своим обычаям.

Многие думают, что благонравие и хорошее общение, а выражаясь современными понятиями «общительность» человека, состоит в том, чтобы он завоевал дружбу всех людей. Но подобное для целеустремленного и идейного человека, который, не думая о своих интересах, стремится к осуществлению в обществе определенных принципов, не достижимо. Подобный человек, если он не лицемер, как правило, бывает искренним, решительным и конкретным. Ибо не все люди думают и чувствуют одинаково, и вкусы у людей бывают различными. В обществе есть как справедливые, так и угнетатели, как честные, так и порочные люди. И не все они могут любить правдивого и целеустремленного человека, цель которого объективным образом может не совпадать с интересами некоторых из них. Дружбу различных групп людей, преследующих разнообразные идейные течения, может завоевать лишь неискренний и лживый человек, который, стремясь угодить всем, говорит с каждым человеком согласно его желаниям и наклонностям. Но сели человек искренний и идейный, то, естественно, с ним могут дружить лишь определенная часть людей, а другая часть становятся его врагами. Группа людей, разделяющей его цели, притягиваются к нему, а другие люди, преследующие иные цели, отвергают его и идут против него.

Некоторые из христиан, считающих себя и свою религию провозвестниками любви, утверждают, что отличительной чертой совершенного человека является только любовь, благодаря которой он обладает лишь только притягательными особенностями. Может быть, некоторые индуисты также придерживаются подобной точки зрения.

В христианской и индуистской философии одним из наиболее часто наблюдаемых моментов является, именно, любовь. По их утверждениям, следует любить все сущее, и когда мы любим всех, то нет никаких препятствий на пути того, чтобы нас любили все, в частности и плохие люди, которые видели от нас только добра.

Но эти господа должны знать, что недостаточно быть только любящим, следует быть еще и идейным, а, по словам Ганди: «такова моя любовь». Любовь должна сочетаться с истиной, тогда она становится идейной и целенаправленной. А идейность предполагает наличие у человека врагов. При этом любовь представляет собою качество, которое привлекая части людей, другую часть опровергает.

¹ Зам-Зам - название священного источника в Мекке

² Имеется в виду известный персоязычный поэт Индии 'Урфи Ширази (ум. в 1590 г.), написавший на ряду с другими стихотворениями поэму «Хосрау и Ширин», в подражании Низами.

Ислам также представляет собой закон любви. В Коране досточтимый Пророк характеризуется как «милости к мирам»: «Мы отправили тебя только в качестве милости мирам».¹ Иными словами, Пророк направлен Богом только в качестве милости и благодеяния для людей, то есть для того, чтобы он был олицетворением милости даже к самым опасным врагам и проявлял к ним благорасположения.²

Но рекомендуемая Кораном любовь не означает, что мы должны отнестись к каждому человеку согласно его наклонностям и желаниям, обращаться к нему так, чтобы ему было лестно, и он притягивался к нам. Любовь не означает, что мы должны предоставить каждому индивиду полную свободу действовать согласно его наклонностям и одобрить все его наклонности. Это, пожалуй, не любовь, а притворство и лицемерие. Любовь это то, что сочетается с истиной. Любовь – это благодеяние, и иногда благодеяния могут не соответствовать желаниям и наклонностям человека. О, как много людей, которые в ответ на оказанное им добро отвечают враждебностью, ибо оказанное добро противоречит их наклонностям. Кроме того самая логически выверенная и рациональная любовь должна соответствовать интересам всего человеческого сообщества, а не желаниям и интересам отдельно взятого индивида или группы людей. Немало любви и добра, оказанные отдельным лицам, равносильны враждебному отношению ко всему обществу.

История знает немало великих реформаторов, стремившихся к улучшению различных аспектов жизни общества, которым в ответ досталось только враждебное отношение и ненависть людей. Следовательно, любовь не всегда и не везде может служить средством притягательности.

Любовь может служить и в качестве великой отталкивающей силы, настраивающей против человека целое общество.

‘Абд ар-Рахман бин Мулджам³ был из числа самих ярых врагов ‘Али. А ‘Али знал, что это очень опасный и коварный враг. Об этом иногда напоминали и другие, посоветовав ему расправиться с этим своим врагом. Но ‘Али не согласился отомстить до совершения преступления со стороны врага, сказав что «если он мой убийца, то я же не могу убивать свою убийцу собственными руками». Кроме того он говорил: «Я хочу, чтобы он остался живым, и желаю ему счастья. Но он жаждет моей смерти».

С другой стороны, любовь не единственное средство оздоровления человечества. Натура некоторых лиц нуждается также и в жестокости, в борьбе и в том, чтобы их опровергали. Ислам является как религией привлекательности и любви, так и религией отпора и возмездия.⁴

¹ Коран, 21: 107.

² Он был благожелательно настроен по отношению ко всему, даже к животным и неодушевленным существам. Поэтому в его жизнеописаниях мы наблюдаем, что все используемые им в жизни орудия и средства имели определенные названия, а это говорит о том, что все сущее было предметом его благорасположения и любви и, как будто, он признавал все вещества обладателями личностных качеств. История в этом плане не знает подобных ему лиц, а это, фактически, говорит о том, что он был символом человеческой любви и благорасположения. Когда он проходил мимо горы Ухуд (гора между Меккой и Мединой), с блестящими добротой взглядом смотрел в сторону горы и выразил свое доброе расположение к ней словами: «Это гора, которая любит нас и любима нами». Это человек, доброе расположение которого распространяется даже на горы и камни. (Примеч. автора).

³ Ибн Мулджам – хариджит, который 19 января 661 года смертельно ранил ‘Али при выходе из мечети Куфы.

⁴ Можно утверждать, что месть также представляет собой проявления милосердия и благорасположения. В одной из молитв говорится: «О, Тот, милосердие и доброта Которого превосходит Твой гнев! Когда Ты хотел благословить, проявил гнев. А если бы не было Твоего милосердия и доброты, то не было бы и Твоего гнева». Это подобно гневу отца, который любит своих детей и интересуется их будущим. Если дети проявляют непослушание, отец рассердится и иногда наказывает их. Тогда когда он не реагирует на предосудительные поступки чужих детей. Рассердился на своего ребенка, потому что любит его, и не реагирует на ошибки чужих детей, потому, что они ему безразличны. А иногда симпатии могут оказаться ложными, то есть могут оказаться чувствами, неподвластными разуму. И как сказано в Коране: «Пусть во имя Веры Божьей не охватывает вас жалость к ним». (24: 2). То есть при исполнении Божьих законов не должно преобладать жалость к виновным лицам. Ибо ислам интересуется, как благом индивида, так и благом всего общества. Величайшим грехом является тот, который покажется человеку ничтожным и не заслуживает его внимания.

Повелитель Правоверных ‘Али изрек: «Тягчайший грех – тот, который совершающий его почитает ничтожным». (Имам ‘Али «Путь красноречия», Москва, «Восточная литература» РАН, 2007, изречение 348, с. 340).

3 – Люды, обладающие отталкивающими особенностями, но лишённые притягательности и вызывающие вражду, а не дружественные чувства. Эти люди также относятся к порочным лицам. А это означает, что они лишены положительных человеческих качеств, ибо если бы они были наделены человеческими качествами, то у них было бы, хоть незначительное число сторонников, ибо хорошие лица среди людей, хоть в малом количестве, но всегда существуют.

Если бы все люди были порочными и угнетателями, то наличие подобной вражды было бы оправдано и справедливо, но никогда не возможно, чтобы все люди до единого были порочными, таким же образом, никогда все люди без исключения не могут быть вполне положительными. Естественно, человек, ставший объектом всеобщей ненависти, порочен сам. В обратном случае, как можно, чтобы человек в душе у которого заложена доброта, не имел ни одного друга. В натуре подобных людей нет ни одной положительной черты, даже в смысле применения жестокости. Существо подобных лиц невыносимо для всех людей без исключения. У них нет ни одной черты, которая хоть кому-то было по душе.

‘Али (мир ему!) говорит: «Самые беспомощные из людей – те, кто братьев себе не сумел обрести, а самый беспомощный среди них – тот, кто, найдя, не сумел подле себя удержать».¹

4 – Люди, обладающие, как привлекательностью, так и отталкивающими особенностями. Это идейные люди, действующие ради осуществления своих идей и убеждений, они привлекают в свою сторону определенную группу людей, завоевав их любовь и признание, а другую группу отталкивают от себя. То есть они способны обрести, как друзей, так и врагов, а также проявляют терпимость, как к сторонникам, так и к недоброжелателям.

Но эти лица также бывают разной категории, так как иногда они обладают одинаково сильными привлекательными и отталкивающими чертами, а порою у некоторых из них эти черты проявляются слабо, а у других – неодинаково. Наиболее значительными лицами являются те, у кого сильные привлекательные и отталкивающие особенности, а это зависит от того, насколько сильно в их духе заложены положительные и отрицательные основы. Конечно, сила также бывает разной степени, и может достичь такого уровня, когда привлеченные друзья готовы пожертвовать жизнью ради человека и проявлять на пути осуществления его цели чудеса альтруизма; а враги у него становятся до того стойкими, что также готовы пожертвовать жизнью, но уже в борьбе против него. И эта сила может быть до того действенной, что даже после смерти ее обладателя окажется в состоянии веками способствовать сохранению его притягательности и отталкивающих сторон в сердцах людей, охватывая широкие просторы людского обитания. И эти трехмерные качества привлекательности и отталкивания свойственны божьим угодникам (*авлийа*) и пророкам.²

С другой стороны, следует обратить внимания на то, какие элементы ими привлекаются, а какие отталкиваются. Например, иногда они, привлекая мудрых, отталкивают невежественных лиц, а иногда – наоборот. Иногда привлекают благородных лиц, отталкивая от себя подлых, а иногда – и наоборот. Следовательно, друзья и враги, привлекательные и отталкиваемые им индивиды являются неопровержимым аргументом, определяющим сущность самого человека. Одного лишь наличия (и даже в сильной степени) привлекательности и отталкивающих особенностей недостаточно для того, чтобы говорить о похвальных личностных особенностях человека. Эти особенности говорят о подлинных основах личности человека. А личность никакого человека сама по себе не может быть аргументом в пользу его доброты. Все мировые

Поэтому ислам учит, что если совершился какой-либо грех, который не остался совершенно скрытым и о котором узнали некоторые лица, тогда виновное лицо должно понести наказание. В исламском фикхе говорится, что за нарушение всякого запрета и несоблюдение обязательных предписаний должно быть предусмотрено соответствующее наказание.

В результате греховного поступка одного лица общество на один шаг приближается к пороку, а это пример величайшей опасности для общества. Следовательно, виновный должен понести наказание в соответствии с совершенным им грехом, чтобы и общество могло пребывать в нормальном состоянии. Поэтому само наказание и возмездие – это своего рода добро по отношению к обществу.

¹ Имам ‘Али. Путь красноречия, Москва, изд. «Восточная литература» РАН, 2007, изречение 12, с. 298.

² Хатаме пайамбаран (Печать пророков), т. 1, сс. 11, 12.

лидеры и даже такие профессиональные преступники, как Чингисхан, Хадждадж¹ и Му'авийа,² были лицами, обладающими как привлекательностью, так и отталкивающими особенностями. Без наличия положительных моментов в своей внутренней природе никто не может подчинить себе тысячи воинов, навязав им свою волю. Не обладая потенциалом руководителя, никто не может подобным образом сплотить вокруг себя огромное количество людей.

Надир-шах³ был одним из людей с подобными качествами. Скольких людей он обезглавил, а сколько людей им были ослеплены, но, тем не менее – он исключительная личность. Он создал в разоренном Иране в конце правления Сефевидов⁴ многочисленную армию и подобно магниту, который притягивает железные осколки, собрал вокруг себя воинственных мужей. Ему удалось не только освободить Иран от ига иноземцев, преследуя их до Индии, но и объединить под иранской эгидой обширные территории соседних стран.

Поэтому, каждый человек притягивает себе подобных, а отличающихся от себя лиц отталкивает. Справедливое и благородное лицо привлекает доброжелательных лиц, ищущих справедливости, и отталкивают склонных к вожделениям и наживы лицемеров. Преступники соберут вокруг себя преступных элементов, отгоняя порядочных людей.

И, как было отмечено, другое отличие в этом плане основывается на степень силы притяжения. В отличие от закона Ньютона, в котором сила притяжения в зависимости от увеличения массы и уменьшения расстояния возрастает, у людей сила притяжения и влияния зависит от их личностных характеристик.

‘Али – личность с двойственной силой

‘Али из числа тех мужей, которые обладают мощной силой притяжения и отталкивания. Более того, возможно, нам не удастся отискать в истории более мощную силу притяжения и отталкивания, каковой располагал ‘Али. У него были изумительные, исторически уникальные, преданные, великодушные, горячо и пламенно любившие его друзья, каждый из которых считал за честь отдать жизнь за него и ставил дружбу с ним превыше всех мирских благ. По истечению многих веков после смерти ‘Али эта притягательная сила все еще своим блеском приковывает взоры. При жизни вокруг него вращались честные, благородные, бескорыстные, великодушные, добрые, справедливые, служившие народу люди, жизнь каждого из которых представляет собою поучительную историю. А после его смерти в период правления Му'авийи и других омейядов многие из этих людей были подвергнуты многочисленным пыткам, но они оказались стойкими в своей любви и преданности ‘Али.

Слава многих мировых личностей после их смерти меркнет и окажется похороненной вместе с ними в одной могиле, а мужи истины сами умирают, но созданные ими идейные школы и всенародная любовь к ним с течением веков становятся все ярче.

¹ Хадждадж ибн Йусуф (ум. в 714 г.) — военачальник и сановник омейядского халифа Абд ал-Малика (685 — 705). Кровавые расправы с недовольными в Иране и Хорасане, куда в 694 г. Хадждадж был послан правителем, сделали его имя синонимом алчного грабителя и палача.

² Му'авийа ибн Абу Суфйан (605-680)—первый омейядский халиф (681-680). Его отец Абу Суфйан Сахра ибн Харба, один из вождей курайшитов. Му'авийа враждовал с Пророком и принял ислам лишь только после завоевания Мекки (630) мусульманами. В период, когда халифом стал ‘Усман, он стал наместником Палестины, а затем и Сирии. После смерти ‘Усмана отказался признать ‘Али халифом. В ходе сражения, которое произошло между ними в 657 г. при Сиффине, когда победа стала склоняться на сторону ‘Али, Му'авийа предложил передать решение спора, кому быть халифом, благочестивым арбитрам. Арбитры, подкупленные Му'авийей, решили вопрос в его пользу. Раскол среди сторонников ‘Али и борьба с хариджитами не позволили начать новую войну против Му'авийи.

³ Надир-шах Афшар (1688 -1747) – шах Ирана с 1736 года. Пришел к власти после успешного завершения возглавляемой им борьбы за изгнание из Ирана афганцев и турок. Завоевал значительную территорию в Индии, Средней Азии и Закавказье.

⁴ Сефевиды - династия иранских шахов в 1502-1736 гг. Основатель - Исмаил I, потомок основателя ордена Сефевийа Шейха Сафи, по имени которого названа династия. Важнейшие представители: Исмаил I, Аббас I, Тахмасп I.

Вы истории мы встречаем немало примеров, когда по истечению многих лет и даже столетий после смерти 'Али некоторые лица ради него пожертвовали своими жизнями. Так, по истечению двадцати лет после мученической кончины 'Али, один из его поклонников и почитателей по имени Майсам амар, находясь у виселицы, говорил о 'Али, его похвальных человеческих качествах.¹ И в период, когда исламский мир стонал под неимоверным давлением, все свободы были отменены, а на лицах людей наблюдался смертоносный пыл вынужденного молчания, сей отважный муж громогласно объявил: «О, люди! Подходите, я хочу рассказать вам о достоинствах 'Али!». Люды со всех сторон подходили, чтобы слушать слова Майсама. Деспотический режим Омайядов, почувствовав угрозу своим интересам, принудил Майсама к молчанию и через несколько дней он был казнен. История знает немало подобных поклонников и стойких последователей 'Али.

Влияние притягательности 'Али не ограничивается отдельно взятым столетиям. Проявления его могущественной силы притяжения мы наблюдаем во все века.

Известен муж по имени Ибн Сакит из числа ученых и крупных знатоков арабской словесности, который и поныне наряду с Сибавайхом² считается одним из величайших знатоков арабской грамматики. Этот ученый муж жил во времена правления 'Аббасидского халифа Мутаваккила, то есть примерно двести лет спустя после мученической гибели 'Али. Придворные халифа обвинили его в принадлежности к шиитам. Но так как он был превосходным ученым и выдающейся личностью, то Мутаваккил выбрал его в качестве учителя для своих детей. Однажды к Мутаваккилу пришли его дети со своим учителем Ибн Сакитом. В тот день решили их экзаменовать, и они успешно прошли экзамен. Мутаваккил, выразил удовлетворенность работой Ибн Сакита и, по-видимому, помня, что его обвиняют в принадлежности к шиитам, спросил: «На твой взгляд кто лучше, эти двое моих сыновей или сыновья 'Али – Хасан и Хусейн?».

Ибн Сакит был сильно разгневан этим вопросом и подобным сравнением. Кровь закипела у него в голове. Он сам по себе подумал: «Этот самодовольный мужчина до того обнаглел, что своих сыновей сравнивает с Хасаном и Хусейном! Это моя вина, что взял на себя воспитание его детей». И в ответ на вопрос Мутаваккила сказал: «Клянусь Богом, для меня Канбар, раб 'Али, гораздо любимее, чем эти двое и их отец!».

Мутаваккил тотчас же приказал вынуть Ибн Сакиту язык со стороны затылка.

Историю известны много преданных и самоотверженных лиц, которые отдали свои жизни во имя любви к 'Али. У кого еще можно будет наблюдать подобное притяжение? Не думаю, что в мире можно отыскать подобных аналогов.

Но у 'Али были и стойкие враги, которые корчились от гнева, даже услышав его имя. 'Али выходя из рамки отдельно взятой личности, приобрел значимость целой идейной школы. Именно поэтому он, притягивая к себе одну группу людей, вместе с тем, отталкивает другую группу. Да, 'Али – личность с двойственной силой.

Часть первая: Притягательная сила 'Али (мир ему!)

- Сильные притяжения
- Следы благорасположенности
- Преодоление преград
- Благорасположение к святым
- Сила благорасположения в обществе

¹ В период правления Омайядских халифов было введено правило публичного порицания 'Али. Подобное публичное порицание позднее было отменено халифом из этой династии 'Умаром бин 'Абд ал-'Азизом Марваном (717-720).

² Сибавайх, Абу Башар 'Амру ибн 'Усман ибн Канбар Фарси Байдави (765-796) – крупный знаток и автор первой в истории книги по арабской грамматике, иранец, уроженец городка База в провинции Фарс.

- **Благорасположение к божьим угодникам (*авлийа*) – лучшее средство нравственного очищения**
- **Примеры из истории ислама**
- **Роль силы благорасположения в процветании ислама**
- **Любовь к ‘Али в Коране и Сунне**
- **Символ любви к ‘Али**

Сильные притяжения

В предисловии к книге «Хатам-и пайамбаран» («Печать пророков») читаем: «Призывы, обращенные к человечеству, и радиусы их воздействия были неодинаковыми. Некоторые призывы и идейные системы являются одномерными и действуют в одном направлении. В период своего возникновения они охватывают широкие массы людей, привлекают в свою сторону миллионы последователей. Но по истечении определенного срока их влияние ослабляется, и они постепенно придаются забвению.

А некоторые другие призывы бывают двухмерными. Радиус их воздействия направлен в две стороны. Они, также охватывая широкие массы людей, распространяются в определенные временные интервалы. То есть они действуют не только в пространственные, но и во временные измерения.

Но иные призывы распространялись с учетом различных измерений. Они, охватывая широкие массы человечества, оказали на них влияние, и это влияние наблюдается во всех континентах. Кроме того эти призывы охватили не только временные измерения, то есть принадлежали не конкретной эпохе или отдельно взятому веку, и действовали в течение длительных столетий, но и проникли своими корнями в глубину духа человечества, властвовали над тайнами его внутреннего мира, над сердцами людей, управляя их чувствами. Подобные трехмерные призывы свойственны когорте пророков.

Какую можно найти идейную школу, которая смогла бы подобно великим мировым религиям властвовать над умами сотни миллионов людей в течение тридцати, двадцати или, как минимум, четырнадцати столетий, глубоко затронув все аспекты их внутреннего мира?

Точно таким же образом можно будет рассуждать и о притяжениях, которые иногда бывают одномерными, зачастую двухмерными, а порою и трехмерными.

Притягательность ‘Али относится к третьему случаю. Она воздействовала на широкие массы общества, не ограничивая свое влияние рамками одного или двух веков, а проходя через все пространственно-временные преграды, находила все большее распространение. Это истина, которая сияет сквозь все века и эпохи, проникая в глубину сердец и внутреннего мира людей. И таким образом, что о ‘Али вспоминают по пришествии многих веков, с упованием слушают об его похвальных качествах, проливают слезы по поводу павших на его долю лишений и муках, что воздействует даже на врагов, заставляя их прослезиться. А это самое мощное из притяжений. Отсюда следует, что связь человека с религией – это не из категории материальных связей. Эта иная форма связи, и ничто другое не может иметь такие крепкие связи с человеческим духом.

Если бы у ‘Али не было Божественного цвета, и если он не был бы Божьим человеком, то он давно был бы позабыт. История человечества знает многих героев: герои слова, герои науки и философии, герои власти и могущества, герои полей сражения. Но все они позабыты или вовсе не узнаны человечеством. А ‘Али, будучи убитым, не только не умер, но стал еще живее. По его же словам: «Пропали собирающие богатство еще при жизни, и вечность снискали знающие (божественных наук) даже после смерти: тела их разложатся, но примеры их в сердцах останутся».¹

¹ Имам ‘Али. Путь красноречия, Москва, изд. «Восточная литература» РАН, 2007, изречение 147, с. 316.

А о самом себе он говорит: «Вы меня увидите в грядущие дни, узнаете неизвестные пока вам мои качества, вы узнаете меня после того, как я покину свое место, и его займет другой человек»

*Мой век не – знаток сокровенных тайн,
И мой Йусуф не для этого рынка предназначен.*

*Отчаивался я в старых моих друзьях,
Мой Синай горит от прихода Моисея.*

*Море друзей безмолвно как росинка,
А моя росинка бурлит словно море.*

*Моя мелодия – совсем с иного мира,
Это звон колоколов из иного каравана.*

*О, как часто поэт рождается после смерти,
Закрывая свои очи, другим откроет глаза.*

*Спасая свои пожитки из мира небытия,
Подобно цветам растет из собственной могилы.*

*Мое море не помещается в канаве,
Для моего шторма нужны целые моря.*

*В моей душе дремлют много молний,
Моим ристалищем являются горы и равнины.*

*Мой удел – вечный источник бытия,
Доверяли мне все тайны этой жизни.*

*Я высказал тайны, никому не ведомые,
И никто, как я, не сверлил жемчужины мысли.*

*Однажды открыл мне секрет старец небосвода:
«Не следует скрыть тайны от своих приближенных».¹*

Действительно ‘Али, словно законы естества, сохраняется вечно. ‘Али – неиссякаемый источник изобилия и, по словам современного арабского литератора Джубрана Халила, «он из числа тех личностей, которые рождались намного раньше своей эпохи».

Некоторые люди являются руководителями только в свое время, а некоторые другие могут быть предводителями чуть дольше своей эпохи, но их влияние среди людей постепенно угасает. Но ‘Али и ограниченное количество людей остаются лидерами и предводителями вечно.

Шиизм – школа любви и благорасположения

Одно из преимуществ шиизма перед другими религиозными направлениями заключается в том, что его основной и опорой является благорасположенность. С момента своего

¹ Икбал, Мухаммад. Куллийат-и аш’ари фарси (Полное собрание персидских стихов), Тегеран, «Амир-и Кабир», 1345 х. с / 1966 г., с. 177.

формирования, то есть со времен досточтимого Пророка это религиозное направление является мелодией любви и благорасположения. С тех пор, как из уст досточтимого Пророка прозвучало выражение «'Али и его приверженцы (*ши'а*) являются из числа спасенных»,¹ постоянно вокруг 'Али образовалась группа людей, которые были его приверженцами и искренними последователями. С того дня шиизм является вероучением любви и восхищения. Его Светлость 'Али является попечителем школы любви и благорасположенности. Компонент любви в шиизме присутствует в полной мере. История шиизма связана с именами восхищенных, влюбленных и самозабвенно преданных личностей.

'Али – это личность, который, заслуженно и справедливо наказывая некоторых лиц, велел бить их плетью или согласно нормам шариата изредка приказал отрубить кому то из них руку, но, тем не менее, эти люди не отвернулись от него и не переставали любить его. В этом плане он сам изрек: «Даже если бы я ударил этим мечом по носу верующего, чтобы он возненавидел меня, то он не возненавидел бы меня; и если бы бросил перед лицемером все блага этого мира, чтобы он возлюбил меня, он не возлюбил бы меня. И это – поскольку приговор произнесен устами Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!), - когда он сказал: «О 'Али, и не возненавидит тебя верующий, и не возлюбит тебя лицемерный»».²

'Али – это мера и весы для испытания природной сущности и достоинства людей. Тот, у которого безупречная сущность и благородное естество не обижается на него, если даже он угрожает ему мечом; о тот, у кого неблагородное естество, тот, даже испытав его доброту и щедрость, не возлюбит его. Ибо 'Али – это воплощение истины.

Один из друзей Повелителя правоверных, лицо достойное и богобоязненное, к сожалению, допустил ошибку и заслужил наказание. Повелитель правоверных велел отрубить ему кисть правой руки. Он, взяв отрубленную кисть левой рукой, удалился. Один из хариджитских бунтовщиков по имени Ибн ал-Кава', решил использовать этим происшествием в пользу своих сторонников и против 'Али. Он, с поддельным состраданием на лице подошел к нему, и спросил: «Кто отрубил тебе руку?». Тот в ответ сказал: «Кисть моей руки отрубил глава наместников Пророка, предводитель спасаемых в День Суда, больше всех имеющих права быть главой верующих 'Али бин Аби Талиб, который является предводителем наставляющих на путь истины и совершенствования, вестником райских благ, борцом среди отважных, мстителем по отношению к невежественным, щедрым на подаяния, носителем правдивых и благих слов, бесстрашным выходцем из Мекки, величественным и верным».³

Ибн ал-Кава' сказал: «Горе тебе! Он отрубил тебе руку, а ты его превозносишь!». И последовал ответ: «Как мне не превозносить его, когда любовь к нему приплетена с моим естеством и с моей кровью? Клянусь Богом, он отрубил мою руку согласно божественным предписаниям».

Подобная любовь и привязанность, встречаемых нами в истории 'Али и его сподвижников, способствуют нам разобраться в суть любви, благорасположения и их последствиях.

Эликсир любви

¹ Джала ад-Дин Суйути в своей книге «Дурр ал-мансур» («Рассыпанный жемчуг») при комментировании айата 7 суры 98 Священного Корана передает из уст Ибн Асакира, услышавший это предание (хадис) от Джабира бин 'Абдаллаха, который рассказал: «Я был на собрании у Пророка, 'Али также явился на это собрание. Его Светлость Пророк изрек: «Клянусь Тем, в руках Которого находится моя душа, этот мужчина и его приверженцы в День Суда будут из числа спасенных». Этот рассказ передается также такими авторами, как Манафи в его книге «Канз ал-хакаик» («Соровище истин») в двух вариантах, Хайсами в книге «Маджма' уз-заваид» («Свод излишеств») и Ибн Хаджар в «Ас-саваик ал-мухрика» («Яркие молнии»).

² Имам 'Али. Путь красноречия, Москва, изд. «Восточная литература» РАН, 2007, изречение 45, с. 302.

³ «Бихар ул-анвар» («Моря света»), т. 40, сс. 281-282; Фахр Рази «Ат-тафсир ул-кабир», комментарии к айату 9 суры «Кахф» («Пещера»).

Персоязычные поэты называли любовь «эликсиром». Алхимики были убеждены в наличии вещества под названием «эликсир»¹ или «алхимия», которое якобы способно превращать одно вещество в другое. Они веками стремились найти это вещество. А поэты стали воспользоваться этим термином, отмечая, что истинным эликсиром, способным к превращениям, является именно любовь. Ибо именно любовь в состоянии быть сущностью сердца (в широком смысле этого слова).

Любовь, действительно, является эликсиром и обладает алхимическими свойствами, то есть может превращать один металл в другой. Люды также представляют собой различные металлы.

Эта любовь способствует тому, чтобы сердце было настоящим сердцем, без любви сердце – это вода и глина. По словам поэта Вахши Бафки:²

*Сердце, у которого нет страданий, это не сердце,
Пустое от страданий сердце – это горсть глины и воды.*

*О Боже! Дай мне пылающей ярким пламенем грудь,
В которой было бы сердце, с множеством страданий.*

Одним из последствий любви является сила и могущество. Любовь творит силу, превращает трусливых лиц в отважных людей.

Курица, пока она одна, ведет себя тихо и спокойно, ищет себе на корм всяких червей, боится мельчайшего шороха, не сопротивляется даже против слабого ребенка. Но когда у курицы появляются птенцы, и в глубине ее естества возникнет любовь, то она угрожающе опускает свои крылья, давая знать, что готова к защите своего потомства, вид у нее становится воинственным и даже голос у нее становится более отчетливым и более сильным. Раньше она отступала при мельчайшей опасности, но теперь готова отважно нападать на любого, кто хоть чем-то представляет угрозу для ее цыплят. Это любовь, которая превратила трусливую курицу в отважную птицу.

Любовь превращает тихого и ленивого человека в подвижного и чопорного и даже олуха переделает в сметливого.

Юноша и девушка, не думающие до женитьбы ни о чем другом, кроме того что напрямую касалось им самим, когда влюбляются и создают семью, впервые в жизни будут чувствовать ответственность за судьбу другого, и радиус их желаний и потребностей увеличивается. А когда у них появляются дети, то их душевное состояние подвергается коренному изменению. Теперь тот ленивый и малоподвижный юноша становится юрким и динамичным, а девушка, которую даже силой не возможно было заставить рано утром покинуть постель, теперь уже по первому

¹ В «Бурхан-и кате'» относительно эликсиру говорится: «Эта акциденция, расплавляющая, смешивающая и совершенствующая, то есть превращает мед в золото. Эликсиром называют еще и полезные лекарства, а также взгляд совершенного духовного предводителя (*муриид-и камил*)». Кстати, эти три особенности свойственны и любви, которая также является расплавляющей, смешивающей и совершенствующей. Но наиболее популярным свойством является именно ее способность к совершенствованию. Поэтому поэты иногда называли любовь лекарем, лекарством, Платоном и Галеном. К примеру, Маулави (Джалал ад-дин Руми) в предисловии к своей поэме «Маснави-йи ма'нави» говорит:

*Будь счастлива, о, правдивая наша любовь!
О, ты, лечащий все наши недуги!*

*О, лекарство против нашего высокомерия и тщеславия,
О ты, который являешься нашим Платоном и Галеном.*

² Вахши Бафки (ум.в 1583 г.) – один из представителей событийного стиля в персидской поэзии, автор нескольких эпических и лирических поэм, самой значительной из которых считается поэма «Фархад и Ширин».

зову своего грудного ребенка готова молниеносно прийти к нему на помощь. Что это за сила, преодолевшая лень и безразличие и заставившая юношу и девушку быть такими чувствительными? Эта сила не что иное, как любовь.

Именно любовь способна превращать скупого человека в щедрого, а из нетерпеливого лица создать выносливого человека.

Именно любовь способна превратить себялюбивую курицу, стремившуюся собирать зернышки и защитить себя, в щедрое существо, которое готово отдать последнюю зернышку своим птенцам. Любовь вчерашней изнеженной, сонливой, обидчивой и нетерпеливой девушке придает удивительные силы стойко вынести бессонницу, голод, лишения и все трудности материнства. Появление сострадания, устранение из души всякой грубости и жестокости, иными словами, эмоциональная утонченность, а также сосредоточенность, целеустремленность, избегание неловкости в обществе, все это является следствием любви и благорасположенности.

В поэзии и литературе из множества из множества последствий любви мы чаще всего сталкиваемся с одним явлением, которого можно характеризовать как вдохновение и благодать любви.

*Соловей стала сладкоречивой из-за цветка, иначе,
В ее устах не было бы столь готовых слов и газелей.¹*

Благодеяния любви, внешне кажущиеся нечто вне бытия соловья, в действительности являются ничем иным, как силой, присущей самой любви.

*Ты не думай, что Меджнун сам по себе стал Меджнуном, ибо
От земли до небес на него влияла притягательность Лейли.²*

Любовь разбудит дремлющие силы, освобождает обузданные могущества, как будто способствует расщеплению атомов. Она вдохновляет и создает героев. О, как много поэтов, философов и деятелей искусства, которые являются порождением силы любви.

Любовь совершенствует личности и пробуждает удивительные дремлющие внутренние таланты. Она выводит из духа негодных примесей и желчи, другими словами, любовь – очищающее начало. Она устраняет такие предосудительные качества, как эгоизм, безразличие, зависть, скупость, трусливость, ленивость, а также горделивость и тщеславие. Она устраняет злобу и ненависть и, говорят, что неудачи в любви, в свою очередь, могут стать причиной порождения злобы и ненависти.

*От любви все горькое становится сладким,
От любви все медное может стать золотым.³*

Любовь с психологической точки зрения способствует облагораживанию духа, а с физической точки зрения – расплавлению и истощению. То есть любовь на телесном уровне воздействует прямо противоположно духовному уровню. На телесном уровне любовь становится причиной разрушения, бледности лица, истощению частей тела, ухудшению пищеварения и нервного состояния. Может быть, все ее влияние на телесном уровне имеет разрушительный характер, а на духовном поприще дело обстоит иначе, здесь трудно судить о предмете любви и о способах влюбленности. А о социальных последствиях любви рассуждать не будем. Но с духовной и индивидуальной позиции она, в основном, имеет совершенствующий характер. Ибо в этом плане она порождает силу, сострадание, очищение, энтузиазм и ответственность; устраняет слабость, низость, злобу, вражду и несообразительность, а также устраняет все отрицательные

¹ Двустиишие Хафиза.

² Двустиишие 'Аллама Табатабаи.

³ Из «Маснави» Джала ад-дина Руми.

а

моменты, которые в Коране именуются «сокрыть в душе (злое)»¹ (дасса) и отводит из души предосудительные примеси, способствуя ее очищению.

*Царь души (любовь) разрушает тело,
А после будет его облагораживать.*

*Блажена душа того, который ради любви
Готов отдать дом и все свое состояние,*

*Разрушит свой дом ради клади и злата, а затем
За счет клади перестроит его лучше прежнего,*

*Прикроит воду он, очистив арык, а затем
По арыку пустит чистую питьевую воду,*

*Раскроет кожу, вынимая наконечник стрелы,
И прикроет рану новым кожным покровом.*

*Совершенные люди, сведущие в тайны бытия,
Ошеломлены, зачарованы, пьяны и влюблены.*

*Зачарованы они не в смысле смысле, чтоб отвернуться от Него,
Они зачарованы, так, что углублены в Нем и опьянены Им.²*

Покорение крепостей

Любовь, независимо от ее формы, то есть вопреки животной-половой, животной-потомственной или человеческой форме,³ а также независимо от качеств и особенностей объекта любви, то есть, является ли этот объект отважным, искусным, знающим, обладателем особых нравственных качеств или нет, способна вывести человека из состояния замкнутости в себе и эгоизма.

Эгоизм сам по себе является своего рода ограниченностью и нечто вроде крепости. Любовь к другому лицу абсолютным образом покоряет эту крепость. Человек пока он замкнут в себе, является слабым, трусливым, завистливым, злобным, нетерпеливым, эгоистичным и горделивым. А его дух, лишенный блеска, волнения и радости, отличается постоянной холодностью и молчанием. Но когда он, преодолевая крепость вокруг себя, переступает пределы своего «я», эти омерзительные качества в нем вымирают.

*Каждый, у кого разорванная от любви одежда,
Очищается от алчности и всех других пороков.⁴*

Но себялюбие в смысле качества, которое должно быть устранено, не является существенным положением. То есть нельзя утверждать, что человек, чтобы избавиться от эгоизма, должен потерять всякий интерес к самому себе. Иными словами, это не означает, что человек должен стремиться к тому, чтобы вовсе не любить себя. Интерес к себе, который именуется «любовью к своей сущности» («хубб-и зат»), заложен в природе человека не даром,

¹ Например в Коране говорится: «Понес урон тот, кто [злое] в душе сокрыл (дасса. – М. М.)». (91: 10).

² Из «Маснави» Джала ад-дина Руми.

³ Принятые в мусульманской классической литературе формы любви.

⁴ Из «Маснави» Джала ад-дина Руми.

чтобы его необходимо было искоренить. Исправление и совершенствование человека не предполагает, что в его природе заложены ряд лишних моментов, которые в качестве лишнего и вредного должны быть уничтожены. Другими словами, улучшение человека означает не уменьшение, а увеличение и совершенствование в нем чего-либо. Задача, поставленная творением перед человечеством, соответствует направлению творения, то есть совершенствованию и созиданию, а не сокращению и уменьшению.

Борьба против эгоизма означает борьбу против «ограничения самого себя». Человеческое «я» должно совершенствоваться. Крепость, возведенная вокруг человеческого «я», которая ограждает человека от всего, кроме него самого, и способствует тому, чтобы все, не принадлежащее ему, считалось чужим и посторонним, должна быть разрушена. Личность человека должна расширяться и охватить всех других людей и всех творений. Следовательно, борьба против эгоизма равносильна борьбе против самоограничения. И поэтому эгоизм – это ограниченность мыслей и наклонностей. Любовь, интересы и наклонности направляют мысли человека в мир, который находится вне его бытия. Они способствуют расширению его индивидуальной природы, меняют центр его бытия. Поэтому любовь – это великий нравственный и воспитательный фактор, конечно, с тем условием, чтобы она была правильно направлена и верно использована.

Любовь - созидательница или разрушительница?

Привязанность к кому-либо или чему-либо, когда она максимально усиливается, охватывает все естество человека и становится полновластным хозяином его естества, называется любовью. Любовь - это апогей привязанности и чувства.

Но не следует думать, что явление именуемое любовью однообразно. Оно бывает двух, совершенно противоположных видов. Все перечисленные нами положительные качества относятся только к одной из его видов. Но другой вид этого явления имеет совершенно разрушительные и противоположные особенности.

Человеческие чувства обладают различные формы и степени. Некоторые из них относятся к категории вожделения и особенно сексуальных вожделений, что являются общими для человека и животных. Но с той разницей, что эти чувства у человека по особым причинам, для разъяснения которых мы не располагаем достаточными возможностями, неопишным образом обостряются и, следовательно, именуется любовью; а у животных они никогда не проявляются в подобной форме. Но, во всяком случае, с точки зрения реальности и сущности они не являются ничем иным, как всплеском, извержением и бурей вожделения.

Эти чувства берут начало в сексуальном источнике и завершаются в этом же источнике. Их возрастание и убывание зависят от физиологических функций полового аппарата и, конечно, от молодого возраста. С возрастом и по мере насыщения сексуальных желаний эти чувства уменьшаются и постепенно утрачиваются. Юноша, корчившийся даже от одного взгляда на красивое лицо и выющиеся волосы, и дрожащий от прикосновения к нежным рукам, должен знать, что здесь задействован лишь только материальный животный процесс. Подобные любви быстро приходят и стремительно уходят, они ненадежны, опасны и убивают всякие достоинства. Человек извлекает пользу только при помощи благонравия, целомудрия и неподчинения подобной любви. То есть эта сила сама по себе не толкает человека в сторону бесчестия, но когда она проникает в натуру человека, угрожая целомудрию и праведности, а дух, выдержав ее давления, отказывается подчиняться ей, то это обстоятельство придает человеческому духу силу и совершенства.

У человека есть другая форма чувств, которые с точки зрения истины и сущности отличаются от вожделения. Лучше, если мы назовем подобное чувство расположением,

симпатией или, коранической терминологией «сердечностью» (*муваддат*) и «благосклонностью» (*рахмат*).¹

Человек, пока он находится под влиянием своих вожделений, остается ограниченным в себе, и остро желает для себя лица или вещи, к которым он был бы благосклонен. И если при этом он думает о возлюбленной, то он размышляет над тем, каким образом добиться соединения с ней и извлечь из этого максимум удовольствий. Естественно, подобное состояние не может выступить в качестве фактора, воспитывающего, совершенствующего и очищающего дух человека.

Но человек порою находится под воздействием своих высших человеческих симпатий, возлюбленный в его глазах станет пользоваться уважением и почетом; и он желает ему счастья, готов пожертвовать собою ради его желаний. Подобные расположения порождают искренность, благосклонность, сострадание и жертвенность. И это сильно отличается от первой названной нами категорий чувств, способных вызвать жестокость, бессердечие и преступления. Ко второй категории чувств можно отнести, например, симпатию матери к своим детям. К данной категории относятся также благорасположенность к праведникам и божьим угодникам, патриотизм и преданность определенным идеалам.

Именно данная категория чувств, в отличие от первой категории, которая является унижающим, в случае достижения совершенства, содержит в себе все отмеченные нами положительные средства влияния, и именно эта категория придает человеческому духу значимости и величия. Кроме того именно подобная форма любви является более устойчивыми и по мере соединения с объектом любви все более усиливается, что отличает ее от первой категории любви, которая по мере соединения со своим объектом вымирает. В Священном Коране отношения между супругами характеризуется словами «сердечность» и «благосклонность», что является весьма удачным сравнением. Это указание на человеческие аспекты супружеской жизни, стоящей выше подобных связей между животными. Это является напоминанием о том, что фактор вожделения не является единственным фактором связи при супружеской жизни. Истинные связи означают душевную чистоту, искренность и союз между двумя лицами; другими словами в качестве средства, обеспечивающего единства и связь между супругами, выступают симпатии, сердечность и искренность, а не вожделение, которое встречается и у животных.

Маулави (Джалал ад-дин Руми)² удачным сравнением проводит знак отличия между вожделением и сердечностью, называя первое животным, а вторую человеческим качествами:

*Гнев и вожделение качества животного,
А доброта и сострадание – человеческие описания.*

Качества человека под названием благорасположенность, у животных встречается редко.

Философы-материалисты также не могли отрицать наличие у человека этого духовного состояния, которое имеет нематериалистический аспект и не соответствует сугубо материальной природе человечества.

¹ К примеру, в аяте 21 суры 30 Корана говорится: «Другое из знамений Его – то, что сотворил он жен для вас из вас самих, чтобы находили вы успокоение в них, и установил *сердечность* и *благосклонность* (курсивы – наши. – М. М.) между вами».

² Руми Джалал ад-Дин Балхи (1207-1272) Персидский поэт-суфий, философ. Родился 30 сентября 1207 в семье ученого-богослова. Место рождения - Балх, Афганистан. С 1212 жил в Нишапуре, Багдаде, Дамаске, Алеппо, где учился в медресе и получил хорошее образование. 1220 - переехал с семьей в Конье (Малая Азия), где создал суфийскую общину мевлеви, сыгравшую большую роль в общественной и политической жизни того времени и последующих веков. Готовился стать ученым. 1244 - под влиянием суфия Шамсидина Табризи (Шамса Тебризи) предался дервишским радениям. Многие свои газели подписывал именем своего учителя. После бесследного исчезновения наставника создал «Диван Шамса Табризи». Умер 17 декабря 1273, в Конье (в нынешней Турции). Среди произведений - лирический диван, суфийско-философские трактаты, поэмы: «Месневийе манави» (поэма; содержит толкование основных положений суфизма), «Диван Шамса Табризи», «Поэма о сути всего сущего»

Так, Бертран Рассел в своей книге «Супружество и мораль» говорит: «Всякое дело, цель которого заключается только в получении выгоды, положительных результатов не дает. Для достижения подобных результатов следует взяться за дело, в котором скрыта вера в конкретного индивида, конкретного мировоззрения и определенной конечной цели. Любовь, если ее цель заключается только в воссоединении с возлюбленной, не может порождать у нас какое-либо совершенство, и будет напоминать всякую другую работу, за которую мы беремся ради денег. Для достижения желаемого совершенства мы должны считать личность возлюбленной своей личностью, а ее чувства и намерения признать как свои собственные».

Другой вопрос, который должен быть затронуть, и к которому мы должны обратить внимание, заключается в том, что, как уже нами было отмечено, даже плотская любовь может оказаться полезной, но лишь только тогда, когда она сопряжена с целомудрием. То есть на почве разлуки и недостигаемости с одной стороны, и чистоты и целомудрия – с другой, муки и страдания, а также дискомфорт и давления, оказываемые на дух человека, приплетены с полезными последствиями. Именно на этой почве, по утверждению ‘арифов, аллегорическая любовь превращается в настоящую, которая характеризуется как любовь к Единой Субстанции. В подобном случае говорят: «Тот, кто влюбляется, скрывает свою любовь и сохраняет целомудрие, если в подобном состоянии умрет, то становится великомучеником (*шахидом*).

Но не следует забывать, что подобная форма любви, несмотря на все ее пользы, проявляемые иногда в специфических условиях, не может быть рекомендована, она напоминает очень опасную долину. С этой позиции она подобна беде, которая придает искушенность неопытным своим жертвам и освещает темные души стойких и терпеливых людей, совершенствуя и очищая их внутренний мир. Но это не рекомендуемая беда. Никто не может, даже ради ее воспитательного характера, стремиться навлечь на себя беду или под этим же предлогом навлечь беду на других.

У Рассела и в этом есть очень ценное высказывание. Он говорит: «Трудности для энергичных людей подобны драгоценной ноше. Тот, кто чувствует себя вполне счастливым, никаких усилий для счастья человечества не приложит. Но данное положение не может служить поводом для того, чтобы мы должны подвергать мучениям других, чтобы они шагали верным путем, ибо подобная затея преимущественно сопряжена с обратными последствиями и подавляет человека. В подобных случаях лучше подчиняться воле поджидающих нас случайностей».¹

Как нам известно, в исламских источниках встречается немало указаний о пользе бедствий и испытаний, которые характеризуются как признаки Божественного благословения. Но никому не позволено, под этим предлогом вызвать на свою голову и на голову других людей какие-либо напасти и испытания.

К тому же между любовью и бедствием существует определенная разница, заключающаяся в том, что любовь, как никакой другой фактор, выступает «против разума»: везде, где она появляется, там разум должен распрощаться со своей властью. Именно поэтому разум и любовь в ‘ирфанской литературе представляются в качестве соперничающих друг с другом начал. Отсюда и начинается соперничество между философами, опирающимися на силу разума, и ‘арифами, взгляды которых основываются на силе любви. В ‘ирфанской литературе разум постоянно в этом соперничестве признается побежденным. К примеру, Саади говорит:

*Доброжелатели говорят, что бесполезно
Возвести здание над морской гладью:*

*Страсть гораздо сильнее терпения,
А разум зря соперничает с любовью.*

Другой автор в этом плане говорит: «Проводил сравнение: попытка разума влиять на любви, подобна действиям росинки, которая пытается оставлять клеймо на море». Каким

¹ Рассел, Герберт. Занашуйи ва ахлак (Супружество и мораль), с. 134.

образом можно рекомендовать людям тягаться с такой силой, которая, по словам Маулави (Джалал ад-дина Руми), «несет человека в разные стороны, как буря соломинку»

Во всяком случае, иметь иногда положительные последствия – это одно, а быть рекомендованным – совершенно другое. Следовательно, критические замечания части знатоков шариата в адрес некоторых исламских философов,¹ освещавших этот вопрос в своих теологических трудах и изложивших его влияние и пользы, неуместны. Ибо этим затокам шариата казалось, что указанная группа философов считает данное положение подлежащим рекомендации и одобрению. Тогда как философы при этом, также как и в случае с бедствиями и напастями, говорили только о полезных последствиях любви, которые проявляются в условиях целомудрия и набожности, умалчивая вопрос об ее рекомендации или позволительности.

Благорасположение к святым и преданность им

Как мы уже отметили, любовь и благорасположение одной лишь животной-половой и животной-родовой любовью не ограничивается, есть еще и другой род любви и притягательности, который находится на более высокой ступени и находится вне материальных ограничений. Источником этой формы любви является инстинкт, стоящий выше инстинкта продолжения рода и служащий отличительной чертой мира людей от мира фауны. Эта духовная и человеческая любовь, эта любовь к добродетели и добронравию, восхищение человеческими качествами и красотой Истины.

*Любовь, направленная внешне черты,
Это не любовь, а бесчестье в итоге.*

*Ибо любовь у мертвых – не вечна,
Так, мертвым же нет возврата к нам.*

*Любовь, живая в душе и в очах (сердца),
всегда свежа, подобно бутону цветов.*

*Выбирай любовь к Вечному и Живому,
напоившим тебя живительным вином.*

*Выбирай любовь Того, от любви Которого,
Пророки нашли свою миссию и величие свое.²*

Именно этот вид любви встречается в различных айатах Священного Корана под определениями «благорасположение» (*мухаббат*), иногда и «сердечностью» (*муваддат*). Подобные айаты, расположенные в разных частях Корана, можно классифицировать нижеследующим образом:

1 – Айаты, в которых приводится описание верующих, и в которых говорится об их искренней любви к Всевышнему Господу или к другим верующим:

«Сильнее любит Всевышнего тот, кто уверовал».³ «А те, которые жили до них в Медине и [обратились в] веру [новую], любят переселившихся к ним [из Мекки] и не испытывают к ним никакой зависти из-за того, что отдано им (т.е. переселившимся). Признают они право за ними предпочтительное, если даже находятся сами в положении стесненном».⁴

¹ Имеется в виду воззрения Ибн Сины в его книге «Трактат о любви» и Мулла Садр в описании третьего духовного путешествия в книге «Четыре путешествия». (Примеч. автора).

² Из «Маснави» Джалал ад-дина Руми.

³ Коран, 2: 165.

⁴ Коран, 59: 9.

2 – Айаты, в которых говорится о любви Господа к верующим:

«Воистину, любит Господь кающихся и любит очищающихся».¹ «Воистину, любит Он добродетельных».² «Воистину, любит Господь богобоязненных».³ «Воистину, Любит Аллах [от грехов] очищающих».⁴ «Воистину, угодны Господу справедливые».⁵

3 – Айаты, свидетельствующие о необходимости взаимной любви: любви Господа к верующим, любви верующих к Господу и любви верующих друг к другу:

«Скажи [Мухаммад]: «Если любите вы Аллаха, то следуйте за мной, [и тогда] возлюбит Он вас и простит грехи ваши».⁶ «Если отвратится кто-нибудь из вас от Веры своей, то явит Всевышний [других] людей, любимых Им и любящих Его».⁷ «Воистину, тем, кто уверовал [и Бога] творил дела праведные, даровал Милостивый любовь [друг к другу]».⁸ «И установил [Он] любовь и благосклонность [взаимную] между вами».⁹ Пророк Ибрахим просил у Всевышнего для своего потомства такую же любовь со стороны людей.¹⁰

Кроме того содержания преданий также свидетельствует о том, что дух и сущность ислама также означают ничто иное как любовь и благорасположение. Барид 'Аджали, один из сподвижников Имама Бакира¹¹ говорит: «Я присутствовал на собрании у Имама Бакира (мир ему!). В это время удостоился чести посетить его собрание еще и некий путник, пешком прибывший из далекого Хорасана. Когда он снял свои туфли, его ноги были покрыты трещинами и волдырями. Он заявил: «Клянусь Богом! Меня побуждала покинуть Хорасан и прийти сюда только любовь к вам, членам Семейства Пророка».¹² Имам в ответ изрек: «Клянусь Богом, если даже нас будет любить камень, то он будет воскрешен в День Суда вместе с нами и будет близок нам. И разве религия нечто иное, чем любовь?»¹³

Некий мужчина, обращаясь к Иمامу Джа'фару Садику, сказал: «Мы называем наших детей по вашему имени и по именам ваших предков. Чревато ли это для нас какой-либо пользой?» Его Светлость сказал: «Клянусь Богом, да! Разве религия нечто иное, чем любовь?». Затем Его светлость подытожил свое мнение изречением: «Воистину, если любите Аллаха, то последуйте за теми, которых Он любит!»¹⁴

Основой является привязанность и любовь, которая порождает подчинение. Влюбленный не в силах воспрепятствовать желаниям своей возлюбленной. Мы наблюдаем это воочию, на примере влюбленного юноши, который, который жертвует всем ради желаний своей возлюбленной.

Подчинение Господу и поклонение Ему зависит от степени любви человека к нему. И как изрек Имам Садик (мир ему!):

*Преколосвишь Господу и заявляешь о любви к Нему?
Клянусь душой, это удивительно и странно!*

¹ Коран, 2: 222.

² Коран, 3: 148.

³ Коран, 9: 4.

⁴ Коран, 9: 108.

⁵ Коран, 49: 9.

⁶ Коран, 3: 31.

⁷ Коран, 5: 54.

⁸ Коран, 20: 96.

⁹ Коран, 30: 21.

¹⁰ «Господи наш! Поселил я часть потомства моего в долине, где не растут злаки, у Дома Твоего Священного. Господи наш! Пусть творят они [там] молитву. Склони к ним сердца людей, надели их плодами, - быть может, возблагодарят они [Тебя]». (Коран, 14: 37).

¹¹ Имам Бакир – Абу Джа'фар Мухаммад бин 'Али ал-Бакир (ум. в 732 г.), пятый имам мусульман-имамитов (двунадесятников), прозванный «Бакир («Вскрывающий [сущность знаний]»).

¹² Все 12 имамов мусульман шиитов, в частности, и Имам Бакир, являются потомками 'Али и Фатимы (дочери Пророка). Отсюда и словосочетание «члены Семейства Пророка».

¹³ Сафинат ул-бихар (Корабль морей), т. 1, с. 201, статья «О любви».

¹⁴ Сафинат ул-бихар, т. 1, с. 662, статья «Небо».

*Если твоя любовь реальна, то подчинишься Ему,
Ибо влюбленный подчиняется своей возлюбленной.*

Сила благорасположения в обществе

С общественной точки зрения любовь – это великая и влиятельная сила. Лучшим является то общество, которое управляется силой любви, то есть основано на почве благорасположения лидера и руководителя к народу и благорасположения народа к лидеру и руководителю.

Привязанность и благорасположение лидера – это важный фактор обеспечения стабильности и устойчивости государства, и если не фактор любви, то невозможно или очень трудно, чтобы лидер мог управлять обществом, и воспитывать дисциплинированных и законопослушных граждан, даже в том случае, когда ему удастся установить в обществе справедливость и равенство. Народ станет законопослушным лишь только тогда, когда ощущает расположение своего руководителя. Именно расположения заинтересуют народ в подчинении и следовании своему руководителю. В Коране, обращаясь к Пророку, говорится, что в твоём распоряжении великая сила для влияния на людей и для управления обществом: «По милосердию, внушенному тебе Всевышним, ты [, Мухаммад,] был благосклонен к ним (т. е. к соплеменникам своим). Если бы был ты суровым и жестокосердным, то непременно покинули бы они тебя. Так прости же их сам, проси прощения для них [у Бога] и советуйся с ними о делах».¹

Здесь в качестве причины следования народа за досточтимым Пророком названа его благосклонность и любовь по отношению к людям. Кроме того в данном аяте содержатся также предписания Пророку, чтобы он простил людей и посоветовался с ними. Все эти признаки доброты и дружбы, так же как и милосердие, снисходительность и долготерпение, являются показателями благорасположения и благоденствия.

*Он мечом доброты спасал немало людей
От лезвия ножа, не дав разорвать глотки.*

*Нож доброты острее железного ножа,
И победоноснее сотни ратных дружин.²*

Кроме того в Священном Коране сказано: «Не равны добро и зло. Отринь [зло] и сотвори добро, и тогда тот, с кем враждуешь ты, станет словно друг тебе близкий».³

*Будь великодушен, о, сын мой, ибо благоденствиями,
Можно пленить человека и ловить дикого зверья.*

*Плени врага благими деяниями, ибо
Разорвать эту петлю мечом невозможно.⁴*

Повелитель Правоверных ‘Али в своем приказе по поводу назначения своего сподвижника Малика Аштара наместником Египта по поводу отношения с людьми рекомендовал: «И пропитай сердце свое милостью ко вверенным на твое попечение, и любовью к ним, ... даруй им свое прощение и извинение, подобно тому как желаешь ты и надеешься, что дарует Аллах свое прощение тебе и извинение».⁵

Сердце руководителя должно быть вместилищем любви и доброты к народу. Одной лишь власти и силы недостаточно. Силой и властью можно погнать людей подобно овец, но этим

¹ Коран, 3: 159.

² Из «Маснави» Джалал ад-дина Руми.

³ Коран, 41: 34.

⁴ Из «Гулистан» Саади.

⁵ Имам ‘Али. Путь красноречия, Москва, «Восточная литература», 2007, письмо 53, с. 272.

путем невозможно разбудить и использовать скрытый в них потенциал. Одной власти и силы недостаточно; также недостаточно и формальной справедливости. Лидер, подобно заботливому и любящему отцу, должен любить сердца людей, быть добрым по отношению к ним. Он также должен обладать привлекательными личностными качествами и волей, чтобы поставить на службу своих целей волю, рвение и великую силу народа.

Лучший способ очищения духа

Вышеизложенные рассуждения относительно любви и благорасположения были своего рода вступительной частью. Теперь мы намерены постепенно сделать надлежащие выводы. Самая важная часть наших рассуждений, которая действительно является основным, состоит в том, является ли любовь или привязанность к Божьим угодникам и праведникам сама по себе целью или она служит в качестве средства для очищения души, улучшения нрава, приумножения добродетели и приобретения человеческих похвальных качеств?

В животной любви все заботы и старания влюбленного направлены на внешность возлюбленной, на соразмерность всех ее частей тела, на цвет и красоты кожи. Человек тянется к возлюбленной и покоряется ей благодаря инстинкту, а когда инстинктивные потребности будут удовлетворены, то пылкость начинает утихать, наступает период охлаждения и затухания страстей.

А человеческая любовь, как уже было сказано, является своего рода жизнью, порождает подчинение и следование. Именно, эта любовь создает сходство между человеком и объектом его любви, он стремится стать своего рода проявлением своей возлюбленной и копировать ее поведения. И как говорит Хаджа Насир уд-дин Туси¹ в своих «Разъяснениях к книге Ибн Сина «Ишарат» («Указания»)): «Чувственная (плотская) любовь - это явление, источником которого является естественное сходство и идентичность влюбленного и возлюбленной, большинство стараний влюбленного соответствуют манерами возлюбленной и признакам, свойственным ее личности. Именно любовь способствует тому, чтобы душа была мягкой, восторженной и радостной, вызывает сочувствие, способствующее тому, чтобы влюбленный питал отвращение к мирской скверны».²

Любовь толкает к сходствам и идентичностям, а ее сила способствует тому, чтобы влюбленный принял форму возлюбленной. Любовь напоминает электрический провод, соединяющий естества влюбленного с объектом его любви. Поэтому выбор объекта любви приобретает особую важность. Следовательно, ислам уделяет важное внимание поиску друзей и объекта любви. Этому вопросу посвящено огромное количество аятов и преданий, ибо дружба порождает идентичность, красоту и неведение; там, где она возникает, пороки кажутся достоинствами, а щипы – цветами и жасминами.³

¹ Мухаммад Насир ад-Дин Туси (1201 — 1274), — средневековый теолог, ученый-астроном, математик и философ, основатель (1259) и руководитель знаменитой обсерватории в окрестностях иранского города Мараги.

² Туси, Хаджа Насир уд-дин. Шарх-и «Ишарат». (Разъяснения к «Ишарату»), т. 3, с. 383. Новое издание.

³ Но у любви есть и определенные недостатки. К ее недостаткам можно отнести то, что влюбленный видит только красоту возлюбленной, не замечая ее пороки. В «Нахдж ул-балага» («Путь красноречия») (в хутбе 107) говорится: «Любовь к любой вещи приводит к ослеплению и глухоте» или «Если человек чего-либо любит, то эта любовь его ослепляет и вредит его слуху». А Саади в своей книге «Голестан» пишет: «Каждому человеку кажется, что его ум совершенен, а его дите – красив».

Данное положение не противоречит нашим утверждениям в тексте о том, что последствием любви является чувствительность разума. Чувствительность разума в том понимании, что он выводит человека из состояния детства и задействует скрытый в нем потенциал. Но к отрицательным последствиям любви относится не то, что она превращает человека в олуха, а, то обстоятельство, что она приводит к отрешенности и невнимательности. Быт олухом это нечто другое, чем быть отрешенным и невнимательным. В большинстве случаев несообразительные люди, стремясь сохранить умеренность в чувствах, бывают менее беспечными и отрешенными.

Любовь способствует также и поднятию уровня сообразительности, но зато, внимательность при этом становится односторонней. Поэтому в тексте утверждается, что одна из особенностей любви заключается в том, что она порождает одностороннюю внимательность, узкую сосредоточенность внимания, в результате чего появляются некоторые недостатки и наблюдается уменьшение внимания к другим вопросам.

В некоторых айатах и преданиях предписывается избегание общения и дружбы с порочными людьми, а в некоторых других айатах и преданиях содержатся призывы относительно необходимости дружбы с добропорядочными людьми.

Упомянутый нами Ибн ‘Аббас я был в присутствии Пророка и на вопрос присутствующих о том, кто является лучшим другом, Его Светлость ответил: «Тот, встреча с которым способствует тому, чтобы вы думали о Боге, а его слова улучшают ваши знания, и его поведения вынуждают вас думать о Судном Дне».¹

Человечество остро нуждается в эликсире любви предков и праведников, чтобы оно было в состоянии любить, и чтобы благорасположение к праведникам, помогло ему быть похожим на них.

Для улучшения морали и очищения души предложены различные пути и возникли разнообразные воззрения. Одним из них является сократово воззрение. Согласно этому воззрению, человек должен совершенствовать себя посредством разума и рассудительности. Вначале человек должен быть совершенно убежден в превосходствах очищения души и предосудительности моральной деградации, а затем посредством разума найти пороки и очистить себя от них. Это напоминает занятие человека, который питается выщипывать волосы в носу, или крестьянина, удалившего сорняки с поля, или землероба, очищающего зерно от плевела. Согласно этому воззрению, следует терпеливо, внимательно, обдуманно и постепенно уничтожить моральные пороки, очистить золото своего бытия от всяких примесей. И, наверное, можно утверждать, что подобное дело разуму не по силу.

Философы для улучшения моральных качеств опираются на разум и сообразительность. Например, они утверждают, что целомудрие и довольствование малым становятся причиной уважения к человеку и к его личности в обществе, а жадность и стяжательство унижают его в глазах людей. Или говорят, что наука способствует могуществу человека, она обладает теми или иными особенностями: «Наука – гемма на кольце Сулеймана (Соломона), служащей процветанию его царства». Наука – это светильник для освещения пути человека, помогающий ему обойти ямы на своем пути. Или говорят, что зависть и злоба суть душевными недугами, и с социальной точки зрения чреватые опасными последствиями.

Несомненно, это правильное воззрение и хорошее средство. Но здесь речь идет о сравнении степени оптимальности различных средств. Например, автомобиль хорошее средство транспорта, но, сравнивая его с самолетом, следует посмотреть, какова степень ценности данного средства. Мы здесь не будем рассуждать о ценности пути разума, с позиции его путеводной функции, то есть с учетом того, насколько так называемые рациональные аргументации могут быть реалистичными и верными с точки зрения нравственных вопросов. Отметим лишь то, что существует неисчислимое количество нравственных и воспитательных философских школ, а упомянутые вопросы с точки зрения аргументации все еще находятся на стадии споров и диспутов. Кроме того нам известно общее мнение сторонников ‘ирфана, которые утверждают:

Сверх того, любовь не только скрывает от взора влюбленного пороки возлюбленной, но наоборот, эти пороки кажутся ему достоинствами, ибо одним из последствий любви является то, что везде, где проникает ее свет, там все выглядит прекрасным. Мельчайшие лучи солнца превращают тьму в свет и, по словам Вахши Бафки:

*Если сядешь в чашу моих глазниц,
Увидишь там только достоинства Лейли.*

По-видимому, причина здесь заключается в том, что любовь не подобна науке, чтобы стопроцентно подчиняться закономерностям. Внутренний и духовный аспект любви превосходит его внешних и объективных аспектов, то есть степень любви зависит не от красоты, а от предрасположенности и духовной закваски влюбленного. Действительно, влюбленный располагает такой закваской, существом и огнем, скрытым под пеплом, которым нужен только повод, ибо, как говорят, любви не ведомы причины. Когда возникает мельчайший повод, то скрытый под пеплом огонь разгорается, проявляется скрытая доселе сила, которая сообразно со своими возможностями создает красоту, превосходящую реальную красоту возлюбленной. Поэтому мы часто в текстах встречаем утверждения о том, что влюбленному пороки возлюбленной кажутся достоинствами, а ее щипы – цветами и жасминами. (Примеч. автора).

¹ Бихар ул-анвар, т. 15, с. 51, старое издание.

*У сторонников аргументации нога деревянная,
А деревянная нога слишком уж ненадежна.¹*

Но здесь у нас речь идет не о самой сущности упомянутого вопроса, а о том, какова коэффициент эффективности данных средств?

Приверженцы 'Ирфана предлагают вместе следования путём разума и аргументации путь любви и расположенности. Он советуют найти совершенного человека и укрепить в сердце любовь и расположение к нему, ибо это более безопасный и более близкий путь, чем стезя разума и аргументаций. В сравнении эти два средства сравнимы со старыми ручными и новыми автоматическими средствами. Влияние силы любви и расположенности при устранении из сердца человека нравственных пороков подобно влиянию химических веществ на поверхности металла. Например, мастер по изготовлению клише очищает пространство вокруг букв при помощи азотной кислоты, а не ногтями, ножом или чем-то другим. А влияние силы разума для устранения нравственных пороков напоминает действие лица, которого пытается рукой выделить из почвы маленькие частицы железа. До чего же это трудоёмкая работа? Но если данное лицо располагает сильным магнитом, то он может выделить все эти частицы одним движением. Сила любви и расположенности может подобно магниту выделить нравственные пороки и устранить их.

По мнению приверженцев 'ирфана, любовь и расположенность к непрочным и совершенным людям, словно автоматический аппарат, способна собирать и устранять все низости и пороки. Состояние увлеченности, если оно окажется уместным и своевременным, является одним из наилучших состояний и, следовательно, выступает средством очищения и придания гениальности.

Да, те, которые следовали этим путем, ищут в силе благорасположения морального усовершенствования и опираются на силу любви и расположенности. Опыт показал, что сотни томов книг по нравственности не могут оказать на душевное состояние человека того влияния, которого способны оказать общение с праведниками, любовь и расположенность к ним. Маулави (Джала ад-дин Руми), уподобляя воззвания любви мелодию свирели, говорит:

*Кто видел такого яда и противоядия, как свирель?
Кто видел, такого друга и возжелеющего, как свирель?*

*Каждый, у кого одеяние разорвано от любви,
Тот полностью очистился от алчности и пороков.
Будь блаженна о, наша благородная любовь!
О, ты, - будучи лекарем всех наших недугов!*

Иногда встречаем выдающихся людей, приверженцы которых подражают им во всем – даже в ходьбе, манере одеваться, беседах и жестах при разговоре. Это не преднамеренное, а произвольное и естественное подражание. Это сила любви и расположенности, оказывая влияние на все компоненты естества последователей, заставляет их во всем быть похожими на своего возлюбленного.

Именно поэтому каждый человек в процессе самосовершенствования должен следовать за одним из людей Истины, любить его, дабы ему удалось усовершенствовать себя:

*О, Хафиз, если у тебя в голове мечта о соединении с Ним,
То ты должен быть прахом у порога искусных людей.²*

Человек, ранее допускавший слабость в своих стремлениях к поклонениям Господу или в совершении добрых деяний, с приходом любви и расположения, больше не будет проявлять

¹ Двустиишие из «Маснави» Джала ад-дина Руми.

² Двустиишие Хафиза.

а

прежнюю слабость и бездействия; намерения у него становятся устойчивыми, а стремления сильными.

*Любовь к добрым людям без обиняков покоряет сердце и веру,
Ферз в шахматах не так силен, как чары красавиц в этом мире.*

*Не думай, что Меджнун сам по себе стал Меджнуном, ибо
С земных глубин до высот небесных его притягивала Лейли.*

*Я не сам по себе смог искать путь к солнечному роднику,
Был я ничтожной пылинкой, твоя любовь возвысила меня.*

*Это изгиб твоих бровей и твои хрустальные длани,
Появились в пиру и покорили мое влюбленное сердце.¹*

История знает людей, в душе которых любовь и расположенность к благородным личностям (хотя бы в представлении их почитателей) породила коренное преобразование. Маулави (Джалал ад-дин Руми) является одним из подобных лиц. Он вначале не был горячо влюбленным и взволнованным. Был он ученым мужем и в одном из уголков своего города тихо и спокойно занимался преподаванием. С того самого дня, когда он встретился с Шамсом Табоизи и расположенность к нему укоренилась в его сердце и душе, в нем произошло изменение, а в его душе разгоралась искра. Эта была искра, будто брошенная в складе с порохом. Джалал ад-дин Руми внешне являлся аш'аритом,² а его книга «Маснави» стала одним из ценнейших шедевров мировой литературы. Его стихи подобны волнам и олицетворяют вечное движение. Цикл стихов Маулави под названием «Диван Шамса Табризи» посвящен памяти его любимого духовного предводителя. О нем поэт часто вспоминает и своей книге «Маснави».

В этой книге Маулави Руми представляется нашим взорам в качестве человека, преследующего определенной цели, но каждый раз, когда вспоминает о Шамсе, в его душе возникает ожесточенная буря, которая порождает ревущие волны. И он, в частности, говорит:

*Душе доносятся благоухания рубахи Юсуфа,
И в этот миг она волнуется и просит у меня:*

*«Ныне ради многолетней нашей дружбы,
Раскрой тайну одного из тех состояний,*

*Чтобы озарились смехом земля и небо,
И разум, дух и взор увеличились сторицей».*

*Сказал я: «О, ты разлучившаяся с возлюбленным,
Подобно больному, далекому от своего лекаря!*

*Как же мне описать Того Бесподобного?
Ведь во мне нет ни одной трезвой жилки!*

¹ Стихотворение принадлежит 'Алламе Табатабаи.

² Аш'ариты –последователи одной из наиболее известных направлений мусульманского калама (науки о формально-логических аргументациях основных религиозных принципов ислама). Направление названо по имени одного из его основоположников и крупных представителей Абу-л-Хасана 'Али ибн Исмaила ал-Аш'ари (873-935). Представители этого направления признавали реальность и вечность Божественных атрибутов (*сифат*) и извечность Корана, как атрибута Божественного слова, а также считали, что подлинным создателем всех человеческих действий является Бог, а люди лишь приобретают их (*касб*).

*С описанием разлуки и невероятных мучений,
Повремени, оставь все это на другое время.*

*Не ищи смуту, тревог и кровопролитий,
Не говори о Шамсе Табризи лишнего слова.¹*

Вышеприведенные строки являются явным подтверждением мысли Хафиза, который сказал:

*Соловей научился говорить по милости розы, иначе
Не было бы в его клюве этих готовых слов и газелей.*

Отсюда можно прийти к такому выводу, что старания и притягательность должны сочетаться с действиями и притяжениями. Старания без притяжения, также как и притягательность без старания и действия совершенно бесполезны.

Примеры из истории ислама

В истории ислама встречаем выдающихся и уникальных примеров сильного расположения и беззаветной любви к личности досточтимого Пророка. В основном, разница между школой пророков и философской школой заключается в том, что ученики у философов являются всего лишь воспитанниками, на которых влияние философов не превосходит влияния конкретно взятого учителя. Но влияние пророков относится к категории влияния возлюбленного, который проник в глубинные уголки души влюбленного в него лица и держит все нити его жизни в своих руках.

Одним из подобных преданных поклонников, всей душой любивший Пророка, был его приближенный сподвижник Абу Зар Гаффари. Однажды Пророк велел начать поход в Табук² (расположенный на расстоянии 600 км к северу от Медины, на границе с Сирией). Некоторые уклонялись от похода. А лицемеры (*мунафикин*), просто, его саботировали. Наконец, достаточно сильное войско двинулось в путь. Многие не имели военных доспехов, чувствовалась острая нехватка провизии, и даже порою несколько человек довольствовались одним фиником. Но все воины были одухотворенными и веселыми. Любовь придала им силу, а притяжение досточтимого Пророка сделало их более могущественными.

Абу Зар также в составе этого войска двинулся в сторону Табука. По пути трое один за другим начали отставать. Каждый раз, когда кто-либо из них отставал, об этом сразу же доложили досточтимому Пророку, и каждый раз он говорил: «Если в нем заложено добро, то Господь вернет его к нам, но если в нем нет добра, то лучше, чтобы он ушел».

В это время тощий и обессиленный верблюд Абу Зара также стал отставать. И Пророку доложили: «О, Посланник Бога! Абу Зар тоже ушел от нас». В ответ Пророк опять произнес: «Если в нем заложено добро, то Господь вернет его к нам, но если в нем нет добра, то лучше, чтобы он ушел».

Войско продолжало свое движение, а Абу Зар отставал. Но его отставание было непреднамеренным, просто, верховое животное подводило. Сколько он не старался, верблюд не мог двигаться быстрее. Тогда он, оставив верблюда и взяв на себя всю поклажу, двинулся в сторону войска при жаре и по раскаленным пескам. Он мучился невероятной жаждой. По пути в тени горного массива заметил скалу с ровной и чуть углубленной поверхностью, на которой

¹ Из поэмы «Маснави» Джалал ад-дина Руми.

² Воины, участвовавшие в походе мусульман на Табук против византийцев, состоявшийся в 631, были названы *джайш ал-‘усрат* («воско нуждающихся»). Многие из исламских воинов, например «люди суффа» (люди, живущие на возвышении), до того были бедными, что даже не имели необходимую для участия на пятничном намазе одежду, не говоря уже о военном снаряжении.

накопилась дождевая вода. Он нашел эту воду холодной и очень вкусной. Но решил, что не будет пить, пока не утолит жажду его друг – Посланник Аллаха. Абу Зар наполнил свой бурдюк этой дождевой водой и отправился к воску мусульман.

Мусульманские воины, издали заметив идущего к ним путника, сказали: «О, Посланник Аллаха! Кто-то идет в нашу сторону». Пророк заметил: «Это должен быть Абу Зар». Оказалось, что это действительно Абу Зар, совершенно обессиленный от усталости и жажды. Он подошел и упал от немоги. Пророк велел напоить его водой. Но тот еле слышным от бессилия голосом сказал, что у него в бурдюке есть вода. Пророк спросил: «У тебя с собой запас воды, а ты чуть не умер от жажды?». Абу Зар в ответ сказал: «Да, о, Посланник Аллаха! Я нашел воду, но мне было жалко утолить жажду раньше моего друга Посланника Аллаха».¹

Действительно, еще в какой из мировых идейно-нравственных школ можно встретить подобные образцы увлеченности, преданности и жертвенности?

Другой пример. Другим образцом этих преданных и увлеченных лиц был Билал² из Абиссинии. Курейшиты в Мекке подвергали его жестокой пытке, избив, связав и оставив его под солнцем над раскаленными камнями, пытались заставить его вслух объявить себя приверженцем идолов и отказаться от веры Мухаммада. Маулави (Джала ад-дин Руми) в шестом дафтаре (в шестой части) «Маснави» приводит уникальное описание этой ситуации. В частности, говорится о том, что Абу Бакр³ посоветовал Билалу скрывать свои религиозные убеждения, но он не считал нужным держать в тайне эти убеждения, сказав, что «Любовь с самого начала является необузданной и не боится крови».

*Снес Билал пытки при помощи щипов,
А хозяин был его, для пущего наказания.*

*Моль, «Почему ты вспоминаешь Мухаммада,
Плохой ты раб, ибо отвергаешь мою религию».*

*Он бил его шипами при солнечной жаре,
А Билал гордо произнес имени Единого Бога.*

*Мимо проходил Сиддик⁴ в это время, и услышал
Как он произносит имени Единого Господа.*

*Подошел к нему и незаметно посоветовал,
Чтобы подобно иудеям он скрывал свою религию.*

*Но он не принял подобное предложение,
В этом деле ему чужды были покаяния.*

*Отдал свое тело на растерзание, сказав:
«О, Мухаммад! О, враг всех отступников!»*

*Мое тело и мои жилы наполнены тобою,
Не осталось в них места для покаяния.*

¹ Бихар ал-анвар, т. 21, сс. 215-216, новое издание.

² Билал, ибн Раббах (ум. В 642 г.), родом из Абиссинии (Эфиопии); был рабом; затем Пророк освободил его; один из верных сподвижников Пророка, первый муэдзин (призывающий на намаз) ислама.

³ Абу Бакр ас-Сиддик, 'Абдаллах ибн 'Усман (572-634) – первый из четырех праведных халифов (рашидун), один из ближайших соратников Пророка. Халифом стал 9 июня 632 г. Положил начало принципу руководства исламом как государственной политикой. При нем сложились главные атрибуты исламского государства, началось формирование политической, социальной и военной структуры исламского общества, а также завоевание Сирии и Ирака.

⁴ Сиддик (от арб. Сиддик – «верный») – прозвище Абу Бакра, который отличился своей верностью и преданностью Пророку и исламу.

*Нет и в моем сердце места для покаяния,
Как же я могу каяться в вечной жизни?*

*Любовь – победительница, а я ее пленник,
Освещен я лучами любви подобно луне.*

*Подобно соломинке на пути сильной буры,
Откуда мне знать, куда я буду отнесен?*

*Билал ли я или неполная луна¹, но двигаюсь,
Безропотно следую за солнцем твоим.*

*Какое дело луне до полноты и сетований?
Он лишь как тень следует за Солнцем.*

*Влюбленные оказались в сильном потоке,
Безропотно следуют приговору любви.*

*Подобно жернову они вокруг своей оси,
Вращаются днем и ночью, сетуя постоянно.*

Приводим другой пример. Историки ислама рассказывают о знаменитом историческом событии на заре ислама, которое известно под названием «газават Раджи», а день, когда происходило данное событие, именуется «йавм ар-Раджи» («день Раджи»)². Это весьма увлекательный и интересный рассказ.

Согласно данному рассказу, группа представителей из племен ‘азал и кара, которые, по-видимому, были одного корня с курейшитами и жили недалеко от Мекки, в третьем году хиджри пришли к Пророку и заявили: «Некоторые лица из наших племен стали последователями ислама. Отправь к нам группу мусульман, чтобы они разъяснили нам смысл религии, обучали нас Кораном, основам и принципам ислама».

Досточтимый Пророк отправил вместе с ними шестеро своих сподвижников во главе с Марсадом бин Аби Марсадом или другим лицом по имени ‘Асим бин Сабит.

Посланцы Пророка отправились в путь с представителями названных племен и остановились на привал недалеко от стоянки племени хузайл. Сподвижники пророка, отдыхали, как в чем не бывало. Вдруг на них напала группа воинов из племени хузайл с оголенными мечами. Выяснилось, что прибывшая в Медину делегация с самого начала преследовала недобрую цель или, достигнув этой местности, изменила свои намерения. Во всяком случае, данные лица вступили в сговор с племенем хузайл и решили пленить этих шестерых мусульман. Сподвижники Посланника Бога, узнав о намерениях неприятеля, быстро взяли за оружие и готовились защищаться. Но хузайлиты поклялись, что они намерены не убивать, а, просто, передать их курейшитами в Мекке и взамен получить определенное вознаграждение. И они (хузайлиты) выразили готовность заключить с ними договор о сохранении им жизни. Трое из посланцев Пророка, в том числе и ‘Асим бин Сабит, заявили, что не намерены опуститься до того, чтобы заключить договор с язычниками и предпочитали вступить с ними в схватку и были убиты. Трое оставшиеся, а именно, Зайд бин Даснах, Хубайб бин ‘Ади и ‘Абдаллах бин Тарик проявили сговорчивость и сдались.

¹ Здесь используется слово *хилал* («неполная луна») созвучное слову Билал.

² Рджи – название родника, расположенного на пути между Меккой и Мединой, и около которого в третьем году хиджри (625 г.) было совершено вероломное нападение на отправленную Пророком делегацию к племенам ‘азал и кара.

Хузайлиты крепко связали этих троих и отправились в Мекку. Около Мекки 'Абдаллаху бин Тарику удалось высвободить свои руки и взяться за меч, но неприятель был начеку, и 'Абдаллаха убили, ударив его камнем. Зайда и Хубайба привезли в Мекку, обменяв их на двух пленных из племени хузайл, которые содержались у курейшитов. Некто из курейшитов по имени Сафван бин Амийа, купил Зайда, чтобы убив его, тем самым мстить за своего отца, который был убит мусульманами в сражениях при Бадре¹ или Ухуде.² Его вывели за пределы Мекки, чтобы казнить. На месте казни собралось много мекканцев. Зайда привели к месту казни. Он шел твердыми шагами, на его лице не прочиталось ни малейшего следа смятения. Среди собравшихся был и Абу Суфйан.³ Он решил воспользоваться моментом, связанным с последними мгновениями жизни Зайда, и вынудить его высказать какие-либо обиды, сожаления или упреки в адрес Прорка. Он подошел ближе к Зайду и сказал: «Заклинаю тебя Богом, скажи, не желаешь, чтобы мы здесь вместе тебя обезглавили Мухаммада, а ты спокойно шел домой к своей жене и детям?» Зайд сказал: «Клянусь Богом, я не желаю, чтобы Мухаммад почувствовал даже мельчайшую боль на ногах от прикосновения колочки, ради того, чтобы я спокойно жил в кругу семьи у своей жены и детей!»

Абу Суфйан был сильно удивлен и, обратившись к другим курейшитам, сказал: «Клянусь Богом, я никогда не встретил человека, которого друзья так сильно любили, как любят Мухаммада».

Через некоторое время наступила очередь казни Хубайба бин 'Ади. Его тоже вывели за пределы Мекки, чтобы подвергнуть казни через повешение. Он просил присутствующих разрешить ему прочитать два рак'ата⁴ намаза. Ему разрешили. Он прочитал два рак'ата намаза в состоянии полного умиротворения и покорности, после чего обращаясь к присутствующим, сказал: «Клянусь Господом, если бы не опасался ваших обвинений в страхи перед смертью, я бы прочитал молитву дольше».

Вокруг шеи Хубайба туго натянули веревку. В этот момент раздался приятный, полный одухотворенности голос Хубайба бин 'Ади, который обращался к своему Господу, и слов которого многие со страха пали назем: «О, Боже! Я завершил свою миссию под предводительством Твоего Посланника. Прошу Тебя, сегодня же утром известить о моей смерти Твоего Посланника! О, Боже! Запомни деяния этих угнетателей, разорви их на куски, не оставляй в живых ни одного из них!».⁵

Приводим еще один пример. Нам известно, что сражение Ухуд завершилось для мусульман трагическим образом. Семьдесят исламских воинов и среди них дядя Пророка Хамза пали смертью мучеников. Вначале чаша победы склонялась в пользу мусульман, но затем группа воинов, дислоцированных Пророком на одной возвышенности недалеко от поля сражения, из-за своей недисциплинированности подверглись внезапному ночному налету врага. В результате группа воинов была убита, а другая группа рассеяна, а вокруг досточтимого Пророка осталось незначительное количество ратников. И эта оставшаяся группа смогла перегруппировать силы и не позволила врагу развивать наступление. Рассеиванию мусульманских воинов на этой битве особенно способствовало слух о гибели досточтимого Пророка. Но после того, как воины узнали о том, что Пророк жив, духовная сила вернулась к ним вновь.

Часть воинов лежали на земле тяжело ранеными и об исходе битвы ничего не знали. Одним из этих раненных был Са'д бин Раби'. Его тело было покрыто двенадцатью тяжелыми ранениями. В этот момент один из отступающих мусульманских ратников, проходя мимо него, сообщил: «Я слышал, что Пророк убит». Са'д в ответ сказал: «Если даже Мухаммад убит, то Бог

¹ Первое крупное и победоносное сражение мусульман во главе с Пророком с язычниками-мекканцами (17 марта 624 г.) у колодца Бадр, расположенном на расстоянии 150 километров к юго-западу от Медины.

² Имеется в виду сражение с мекканцами в 625 году около одноименной горы, когда из числа мусульман 70 воинов, в том числе, верный сподвижник и дядя Пророка – Хамза, пали смертью мученика, а сам Пророк был ранен.

³ Абу Суфйан Сахр бин Харб – один из вождей курейшитов, враждовавший с Пророком и подвергавший мусульман давлению и гонениям. Принял ислам после завоевания Мекки мусульманами (630 г.).

⁴ Рак'ат (от арабского *рак'а* – «коленноприклонение») – часть молитвенного обряда у мусульман.

⁵ «Сира» Ибн Хашима, т. 2, сс. 169-173.

Мухаммада не убит. Вера Мухаммада все еще сохраняется. Чего ты ждешь, почему не защищаешь свою религию?!».

Со своей стороны, досточтимый Пророк, собрав своих сподвижников, проводил среди них перекличку, чтобы выяснить – кто жив и кто погиб. Он заметил среди них отсутствие Са’да бин Раби’ и спросил: «Кто готов привести мне вести о Са’де бин Раби’?». Один из ансаров¹ заявил о своей готовности.

Воин из ансаров нашел Са’да раненым и при смерти и, обращаясь к нему сказал: «О, Са’д, Пророк послал меня узнать, жив ты или погиб». Са’д в ответ молвил: «Передай Пророку от меня привет и скажи, что Са’д уже числится мертвым, ибо ему осталось жить всего лишь несколько мгновений. Скажи Пророку, что Са’д говорит: «Пусть Бог вознаградит тебя лучшей наградой, достойной Своему Посланнику!». Затем он попросил ансара передать ансарам и другим сподвижникам Прорка, что: «Не будет вам Божьего прощения, если вы живы, а вашему Пророку будет нанесен урон».²

Страницы истории раннего ислама изобилуют примерами подобной преданности, увлеченности и прекрасных деяний. По всей истории человечества невозможно отыскать другого лица, которое подобно досточтимому Пророку, было любимо и искренне почитаемо друзьями, собеседниками, женами и детьми и которого так глубоко и бескорыстно любили глубиной своей совести.

Ибн Аби-л-Хадид в своих Комментариях к «Нахдж ул-балага»³ пишет: «каждый, кто слушал его (досточтимого Пророка) слова, проникался к нему любовью и стремился к нему. Поэтому курейшиты называли мекканских мусульман «увлеченными или страстно влюбленными» и говорили: «Есть опасность того, что Валид бин Мугайраш становится приверженцем религии Мухаммада. То есть если Валид, который является первым лицом среди курейшитов, станет его приверженцем, то этому пути будут последовать все курейшиты». И утверждали, что «его слова зачаровывают, они опьяняют больше, чем вино». Курейшиты запрещали свои детям общаться с ним, чтобы они, услышав его слова и узрев его привлекательную внешность, не притягивались к нему. Всякий раз, когда Пророк, сидя у Каабы, около камня Исмаи’ла, громко читал Коран или вознес молитвы Господу, или упоминал Бога, курейшиты закрывали свои уши пальцами, чтобы не услышать и не оказаться под влиянием его чарующего голоса. Они прикрывали свои головы подолами своей одежды, чтобы его привлекательная внешность не зачаровывала их. Тем не менее, многие услышав его слова, увидев его лицо и внешность и насладившись его речами, стали приверженцами ислама».⁴

Из числа исторических реалий ислама, вызвавших удивление каждого наблюдателя, этнографа и социолога, следует называть революцию, свершенную исламом среди арабов-язычников. На основе обычных методов и использования популярных учебных и воспитательных средств реформа подобного общества потребовала бы длительного времени, с тем, чтобы старое поколение, привыкшее падким традициям, вымерло и взамен формировалось новое поколение. Но не следует пренебрегать и влиянием привлекательности и притягательности, которые, как уже было отмечено, способны подобно огню сжечь корни пороков. Большинство сподвижников Посланника Бога сильно любили его, и именно благодаря этой любви им удалось за короткое время проделать огромный путь и за сравнительно короткий период полностью преобразовать свое общество.

Нашими перьями и крыльями является любовь,

¹ Анасары (мн. число от арабск. *насир* – «помощник») – жители Йасриба (именуемый затем Мадина ун-наби (Город Пророка) или сокращенно Мадина, Медина) из племен аус и хазрадж, которые в 622 году заключили договор с Мухаммадом, признав его своим религиозным предводителем, предоставив ему и мухаджирам (переселенцам из Мекки) право поселиться в их городе и предоставили им всяческую помощь.

² Ибн Аби-л-Хадид. Комментарии к «Нахдж ул-балага», Бейрутское издание, т. 3, с. 574; Сира Ибн Хишама, т. 2, с. 94.

³ К собранию проповедей, писем и изречений ‘Али бин Абу Талиб «Нахдж ул-балага» («Путь красноречия») различными авторами написаны многочисленные комментарии и разъяснения.

⁴ Ибн Аби-л-Хадид. Комментарии к «Нахдж ул-балага», т. 2, с. 220, Бейрутское издание.

Она приводит нас к нему, хватая за волосы.

*Как же освещался бы мир вокруг меня, если бы
Не было лучей света от моей возлюбленной?*

*Ее лучи справа, слева, в глубине и с небеса,
Светят над моей головой подобно короне.*

Любовь к ‘Али в Коране и Сунне

Вышеприведенные рассуждения пролили свет в ценностях и влиянии любви, и выяснилось, что любовь к праведным лицам является не целью, а, скорее всего, средством для улучшения и очищения души.

А теперь выясним, выбрали ли Коран и Сунна¹ для нас объекта любви или нет?

В Коране, характеризуя высказывания пророков прошедших времен, отмечается, что все они говорили о том, что «мы от людей никаких наград не ждем; нас вознаградит лишь Сам Бог». Но в обращении к печати пророков (то есть к Мухаммаду – М. М.) говорится: «Скажи [, Мухаммад]: «Не прошу я награды у вас за [то, что доношу до вас Веру истинную], а зову лишь любить моего ближнего»».²

Здесь возникает закономерный вопрос – почему никто из пророков не требовал у людей никакой награды, а досточтимый Пророк ислама потребовал у людей за свою миссию вознаграждение в качестве любви к его близким родственникам!

В Коране содержится ответ на этот вопрос: «Скажи: «Не требую я вознаграждения от вас [за проповеди свои], пусть останется оно у вас: вознаградить меня лишь Всевышний»».³

Здесь отмечается, что, то вознаграждение, которое будет требовать Пророк, останется у самих людей, а не у Пророка. А это вознаграждение является любовью, которая служит средством для совершенствования самих людей. Данное средство именуется вознаграждением, а фактически является для людей очередным добром. В том плане, что члены семейства Пророка и его близкие являются теми людьми, которым чужды всякие пороки и которые служат образцом целомудрия.

Результатом любви и привязанности к ним является только подчинение Истине и следование благородным деяниям. Любовь к ним подобно эликсиру существенно преобразует сердце и служит средством совершенствования. Самим выдающимся лицом, относящимся к категории «моего ближнего», несомненно, является ‘Али.

Фахр Рази⁴ говорит: «Замахшари⁵ в своей книге «ал-Кашшаф» («Толкователь») приводит предание: «Когда был ниспослан этот аят, у Пророка спросили: «О, Посланник Аллаха! Кто

¹ Сунна (от араб. *сунна* – «пример») – пример жизни Пророка, как образец и руководство для всей мусульманской общины и каждого последователя ислама, как источник материала для решения всех проблем жизни человека и общества.

² Коран, 42: 23.

³ Коран, 34: 47.

⁴ Фахр ад-Дин Мухаммад ибн 'Амру ибн ал-Хусейн ар-Рази (1140 – 1209), известный под именем Имам Фахр Рази. Был факихом, мутакаллимом, комментатором Корана, философом, врачом и искусным проповедником. Отличался незаурядным интеллектом, выдающимися способностями в различных направлениях науки своего времени.

⁵ Замахшари, Махмуд ибн 'Умар Абу-л-Касим (1075—1144), прозванный Джар-ул-Лах («соседствующий с Аллахом») и Фахр Хувarezм («Гордость Хорезма») – богослов мутазилит, законовед ханафитского толка, филолог и литератор. Родился в г. Замахшаре (в Хорезме) в небогатой семье; учился грамоте и читал Коран под руководством отца, посещал начальную школу (куттаб); еще в детстве ему ампутировали сломанную ногу, и он ходил на деревянном протезе. Среди сохранившихся трудов аз-Замахшари (около 20, по названиям известно около 50) преобладают грамматико-лексикографические и литературные; собственно богословским можно считать лишь его комментарий к Корану «ал-Кашшаф», оконченный 20 февраля 1134 г. в Мекке, в пору творческой зрелости Замахшари.

твои близкие родственники, которых мы обязаны любить?». Пророк изрек: «'Али, Фатима и их сыновья¹». Из этого предания следует, что эти четверо являются ближайшими родственниками (членами семейства) Пророка и должны всегда быть объектом уважения и любви народа. Верность данного утверждения можно доказать исходя из нескольких аргументаций:

1 – Аят «любить моего ближнего».

2 – Несомненно, Пророк очень уважал и любил свою дочь Фатиму и говорил: «Фатима – частица моего тела. Кто обижает ее, тот обижает меня». Кроме того 'Али также любил своих сыновей ал-Хасана и ал-Хусейна. Об этом сохранились многочисленные предания. Следовательно, все верующие мусульмане должны любить их.² Ибо в Коране сказано: «Следуйте же за ним (т. е. за Пророком), – быть может, станете на путь прямой».³ Кроме того в Коране говорится: «Посланник Аллаха – пример наилучший для вас». Все это свидетельствует о том, что любовь к семейству Пророка, состоящее из 'Али, Фатимы, ал-Хасана и ал-Хусейна, является обязанностью всех мусульман».⁴

Сохранились связанные с Пророком множество преданий относительно любви к 'Али:

1 – Ибн ал-Асир⁵ передает, что Пророк, обращаясь к 'Али, изрек: «О, 'Али! Бог украсил тебя такими похвальными качествами, которые считаются у мусульман самими лучшими украшениями: избегание мирских благ; то есть сотворил тебя таким образом, что и ты не пользуешься чем-либо мирским, и мир не может воспользоваться чем-либо твоим. Он наградил тебя любовью к неимущим и нуждающимся, и они рады твоим предводительством, а ты радуешься тем, что они следуют за тобой. Блажен тот, кто любит тебя и сохранит верность к тебе; и горе тому, кто враждует с тобой и злословит в твой адрес».⁶

2 – Сайути рассказывает приращение, согласно которому Пророк изрек: «Любовь к 'Али – эта вера, а враждовать с ним означает лицемерие».⁷

3 – По преданию, приведенному Абу На'имом, однажды Пророк, обращаясь к ансарам сказал: «Указать мне вам на человека, за которым если будете следовать, то после моей смерти вы никогда не будете заблуждаться?» Они воскликнули: «Да! О, Посланник Аллаха!». Тогда Посланник Аллаха изрек: «Этот человек – 'Али! Любите и уважайте его, как любите и уважаете меня. Такова воля Аллаха, переданная мне через Джабраила».⁸

У суннитов имеются предания о досточтимом Пророке, согласно которым смотреть в лицо 'Али и говорить об его достоинствах приравнивается к молитве:

1 - Мухиб Табари приводит предание, согласно которому супруга Пророка 'Аиша говорит: «Однажды я заметила, что мой отец пристально смотрит на 'Али. И я спросила: «Отец! Вижу, ты долго смотришь на 'Али». Он ответил: «Доченька! Я слышал, как однажды Посланник Господа сказал: «Устремлять взоры на лицо 'Али приравнивается молитве»».⁹

¹ Имеются в виду ал-Хасан и ал-Хусейн, внуки Пророка от его дочери Фатимы, которая состояла в браке с его двоюродным братом и ближайшим сподвижником 'Али бин Абу Талибом.

² Любовь Пророка к этим лицам не имеет личного характера. То есть это не связано с тем, что они являются его детьми или внуками. Будь на их месте другие лица, они тоже заслужили бы любви Пророка. Чувство любви Пророка к этим лицам связано с тем, что они были образцовыми людьми, их любил Сам Бог. Иначе, у досточтимого Пророка были и другие дети, которых он любил не до такой степени, да это не входило и в круг обязанностей правоверных. (Примеч. автора).

³ Коран, 7: 158.

⁴ Фахр Рази. Тафсир ал-кабир, т. 27, с. 166, Египетское издание.

⁵ Ибн ал-Асир 'Изз-ад-Дин Абу-л-Хасан 'Али (1160-1234) – один из самых известных исламских историков.

⁶ Асад ул-Габат, т. 4, с. 23.

⁷ Сайути. Канз ул-'амал, т. 6, с. 156.

⁸ Абу Наим. Хулийат ул-авлия, т. 1, с. 6. По данному вопросу дошло до нас множество преданий. В достоверных книгах суннитов я встретил более 90 преданий, в которых говорится о любви к Повелителю Правоверных 'Али. Много таких преданий встречается и в шиитских источниках. Например, Маджлиси в 39 томе своей книги «Бихар ул-анвар» посвятил целую главу вопросам любви и ненависти к 'Али, которая содержит 123 подобных преданий. (Примеч. автора)

⁹ Табари. Ар-рийад, т. 2, с. 219. По данному вопросу, по нашим сведениям, в суннитских источниках встречаются еще около двадцати преданий. (Примеч. автора).

2 – Один из ранних авторов ислама по имени Ибн ал-Хаджар приводит предание, сохранившееся по рассказу той же ‘Аиши и согласно которому Пророк изрек: «Лучшим моим братом является ‘Али, а лучшим моим дядей – Хамза. И помнить ‘Али, и передать другим его изречения приравняются к молитве».¹

‘Али, естественно, был из числа лучших Божьих угодников и друзей Пророка. Анас бин Малик, один из сподвижников Пророка, говорит: «Каждый день кто-либо из детей ансаров помогал Пророку по домашним делам. Однажды настал и мой черед. Служанка Умм Айман подавала жареную птицу и, поставив ее перед Пророком, сказала: «О, Посланник Аллаха! Я сама поймала и жарила эту птицу для вас». Его Светлость изрек: «О, Боже! Посылай самых любимых твоих рабов, чтобы они составили мне компанию». В это время постучали в дверь. Пророк велел: «Анас, открой дверь!» Я сам по себе подумал, дай Бог, чтобы это был кто-то из ансаров. Но открыв дверь, заметил ‘Али. Я ему сказал, что Пророк занят делами, затем вернулся и присел на свое место. Опять постучали, и Пророк велел открыть дверь. Я опять молился Богу, чтобы пришел кто-то из ансаров, но выяснилось, что это опять ‘Али. Сказав, что Пророк занят делами я вернулся на свое место. Но постучали в третий раз и Пророк сказал: «Анас иди, открой дверь и пригласи гостя в дом. Это не ты один любишь свое племя. Но он не из ансаров». Я пригласил ‘Али в дом, и они вдвоем с Пророком съели жареную птицу».²

Секрет притягательности ‘Али

В чем секрет любви и благорасположения к ‘Али в сердцах людей?

Секрет любви пока еще никем не открыт, то есть она не поддается никакой формулировке и описаниям. Но секрет все-таки существует. В любви есть нечто, кажущееся для влюбленного привлекательным и по своей красоте ослепляющим. Высший уровень притяжения и благорасположения называется любовью. ‘Али является любимцем сердец и объектом любви людей. Почему? И по каким аспектам? В чем заключается та исключительность ‘Али, которая возбуждает любовь, очаровывает сердца, приобретает оттенок вечной жизни и живет на вечные времена? Почему все сердца чувствуют его близость и считают его не умершим, а живым?

Мерилом любви к нему является не его физическое тело, ибо он телом не присутствует среди нас, и мы не чувствуем его. Кроме того любовь к ‘Али не относится и к категории существующей среди всех народов любви к героям. Также будет ошибочным утверждать, что любовь к нему эквивалентна благому расположению к его нравственным и человеческим качествам, и является человеческой любовью. Верно, что ‘Али был воплощением совершенного человека и верно, что человек любит высшие образцы человечности. ‘Али отличался мудростью и знаниями, жертвенностью и альтруизмом, простотой и скромностью, похвальным поведением, добротой и симпатией, состраданием по отношению к слабым, независимостью и свободолюбием, уважением к человеку, отвагой, мужественным и благородным отношением к врагам,³ щедростью и другими похвальными особенностями. Но если бы ‘Али, обладая всеми присущими ему высшими человеческими качествами, одновременно не был бы наделен Божественным цветом, то он не стал бы объектом симпатии и любви, каким является сейчас.

‘Али любим для людей именно потому, что он обладает божественной связью. Наши сердца в своих глубинах произвольно связаны с Истиной, и они, увидев в лице ‘Али своего рода великое знамение Истины и проявления атрибутов Истины, проникаются любовью к нему. И,

¹ Ибн ал-Хаджар. Ас-саваик ал-мухрикат, с. 74. По данному вопросу в суннитских источниках содержатся еще 5 преданий. (Примеч. автора)

² Мустадрак ус-сахих, т. 3, с. 131. В суннитских источниках сохранилось 18 вариантов этого предания. (Примеч. автора).

³ По словам Маулави:

*Отвагой он подобен Божьему льву,
А в благородстве равного ему нет.*

действительно, подоплекой для любви к ‘Али служит связь души с Истиной, которая заложена в естестве людей на вечные времена. Но так как естество человека - вечно, то вечным является и благорасположение к ‘Али.

В личности ‘Али много светлых сторон, но причиной для его вечного сияния служат особенно его вера и его преданность, которые наделили его божественной чертой.

Суда Хамадани, благочестивая женщина и одна из преданных сторонниц ‘Али, протестуя против воли Му'авийи, восхваляет ‘Али следующими строками:

*Да благословит Господь душу усопшего, с которым
Справедливость была похоронена вместе.*

*Дал он обет не признать сотоварищей Истине,
Следовательно, он был близок к Истине и к Вере.*

Са'са'ат бин Сухан ‘Абди, был одним из приверженцев ‘Али, который наряду с ограниченным количеством лиц участвовал на церемонии его похорон среди ночи.¹ После того, как Его Светлость был передан земле, Са'са'ат, ссылая свою голову почвой и держа одну руку над сердцем, произнес: «Да пусть смерть тебе будет приятной! Ибо твоё рождение было непорочным, твоё терпение - твердым, а твой джихад – великим! Ты разгадал сущность мысли и твой торг оказался выгодным. Ты соединился со своим Творцом, Он принял тебя радушно, а Его ангелы вращались вокруг тебя. Ты нашел своё место по соседству с Пророком, Господ включил тебя в число своих приближенных, и ты достигнул степени своего брата Мустафы² и пил из его благословенной чаши!

Прошу Господа, удостоить нас чести быть твоими последователями и действовать согласно твоим указаниям, то есть любить твоих друзей, ненавидеть твоих врагов и быть воскрешенными в обществе твоих друзей. Ты достигнул то, что другим не удалось, и добился того, чего никто не смог добиться. Ты совершил джихад под предводительством своего брата – Пророка, достойным образом стремился к Божьей вере, и тебе удалось установить традиции и предотвратить смуты, что послужило основой для стабилизации ислама и веры. Приветствуем тебя наилучшим приветствием!

Ты способствовал укреплению мощи мусульман, осветив им путь и обеспечив сохранности их традиций. Никому не удалось воплотить в себя все твои достоинства. Ты отзывался на глас Пророка. И лучше всех выполнял его заветы. Ты спешил ему на помощь и защищал его не щадя своей жизни. Ты своим обоюдоострым мечом нападал, не зная страха, и подавлял угнетателей. Ты разрушил основы язычества и низости, потопил в крови заблудившихся лиц. Так, будь благословлен, о, Повелитель Правовверных!

Ты был самым близким человеком Пророку. Ты был первым, кто принял ислам. Ты был полон верой, с твердым сердцем и преданностью, тебе выпало большей доли добра. Да, пусть Бог не лишит нас воздаяния и после твоей смерти не допустит нашего унижения.

Клянусь Богом, твоя жизнь была ключом к добру и препятствием на пути зла, а твоя смерть является ключом к злу и препятствием на пути добра. Если бы люди слушались тебя, то они питались бы небесной манной, но мир для них оказался предпочтительнее Судного дня».³

Да, они предпочитали мир, они не могли свыкнуться с бескомпромиссностью ‘Али, и в результате, в обществе воцарилась стагнация и застой, которые привели к мученической гибели ‘Али.

¹ 19 января 661 года ‘Али, при выходе из мечети города Куфы был смертельно ранен хариджитом Ибн Мулджамом и через два дня скончался. Опасаясь осквернения его могилы врагами, его родные и сподвижники предпочли похоронить ‘Али тайно и ночью в местечке под Куфой, где впоследствии возник город Неджеф, ставший одной из мусульманских святынь.

² Мустафа («избранный» ил «очищенный») – эпитет Пророка Мухаммада.

³ Бихар ул-анвар, т. 42, сс. 295-296, Новое издание.

‘Али (мир ему!) уникален еще и тем, что у него были искренне преданные друзья, отдавшие свои жизни на его пути и казненные на виселицах. Истории жизней этих людей стали предметом гордости исламской истории. Руки таких преступников, как Зийада бин Абихи,¹ его сына ‘Убайдаллаха,² Хаджжаджа бин Йусуфа³ и Мутаваккила⁴ во главе с Му’авией бин Аби Суфйан обогреты кровью этих достойных людей.

Часть вторая: Отталкивающая сила ‘Али (мир ему!)

- ‘Али наживает врагов
- Вероломные, угнетатели и отступники
- Возникновение хариджитов
- Принципы убеждения хариджитов
- Убеждения хариджитов относительно халифату
- Мнение хариджитов относительно халифов

¹ Зийад бин Аби Суфйан (622-673) - известен еще как Зийад бин Абихи (Зийад сын своего отца), поскольку имя его отца точно не было известно. Родился в ат-Таифе. Халиф Му’авия по политическим соображениям в 664г. признал Зийада своим братом; якобы некогда Абу Суфйан, отец Му’авии сошелся с матерью Зийада и от него родился Зийад. Он известен еще как Зийад бин Сумаййа или просто Ибн Сумаййа — по имени своей матери, которую звали Сумаййа. Зийад рано научился грамоте, еще четырнадцатилетним юношей был писцом и вел раздел добычи между воинами. Узнав о его способностях, халиф ‘Умар приказал эмирам Басры по всем делам советоваться с ним. Во время спора за престол между ‘Али и Му’авией Зийад занял нейтралитет, но затем примкнул к ‘Али. Начиная с 665г. и до самой смерти Зийад был наместником Басры, и затем и всего Ирака. Он сумел жестокостью навести должный порядок в Ираке и благоустроил его города. Зийад известен еще и как оратор.

² ‘Убейдоллаха бин Зийад (648-686), омеядский наместник Куфы, по поручению которого военачальник ‘Умар бин Са’ад бин Аби Ваккас аз-Захри ал-Мадани (ум. в 686) шел с войной против Имама ал-Хусайна. В битве, которая состоялась в Карбале 10 октября 680 года, Имам ал-Хусайн пал смертью мученика.

³ Хаджжадж ибн Йусуф (ум. в 714 г.) — военачальник и сановник омейядского халифа Абд ал-Малика (685 — 705). Наряду с причастности к гибели Имам ал-Хусайна еще и кровавые расправы с недовольными в Иране и Хорасане, куда в 694 г. Хаджжадж был послан правителем, сделали его имя синонимом алчного грабителя и палача.

⁴ Мутаваккил (846- 861) — ‘аббасидский халиф, отличавшийся крайним распутством и жестокостью. «Правоверные» историки восхваляют его за то, что он (851) запретил му’тазилитам, ставшим при Мамуне государственной религией халифата, и ревностно преследовал еретиков. Он восстановил притеснительные предписания против иноверцев, срыл христианские церкви в Багдаде, разрушил шиитскую молельню у гробницы ал-Хусайна в Кербеле и воспретил паломничество туда; вообще шиитов он преследовал наравне с му’тазилитами. С его времени занятия философией стали в государстве тайными. С тюркской гвардией, получившей в халифате большую силу еще при Му’тасиме, Мутаваккил вступил в борьбу и был убит. После его смерти хаос неудержимо ворвался в халифат.

- Падение хариджитов
- Лозунги или дух?
- Хариджиты и демократия ‘Али
- Восстание и волнения хариджитов
- Отличительные особенности хариджитов
- Политика «прикрепление Корана к копьям»
- Необходимость борьбы против раскола
- ‘Али – истинный предводитель и вождь

‘Али наживает врагов

Свои рассуждения посвятим периоду четырех с лишним лет правления ‘Али в качестве халифа. Он всегда был личностью с двойной силой. То есть обладал как притягательностью, так и отталкивающей особенностью. Особенно в период возникновения ислама мы наблюдаем группу лиц, которые более часто вращаются вокруг него, а также и другую группу людей, которые не очень-то и симпатизируют ему и он доставляет им немало хлопот.

Но период нахождения ‘Али на посту халифа и период после его смерти, то есть эпоха его появления на историческом поприще считаются периодом большего проявления его привлекательности и отталкивающих особенностей. До занятия поста халифа он в меньшей мере был связан с обществом и, следовательно, его отталкивающие особенности проявлялись в меньшей степени.

‘Али был мужем, способным наживать врагов и вызвать недовольство определенной группы лиц. Он был идейным, целенаправленным человеком-борцом с особым революционным духом и стремившимся к осуществлению своих целей, то есть был образцом человека, которых Бог охарактеризовал, как «усердствующих на стезе Божией и не боящихся упреков, к ним обращенных».¹ Это люди, наживающие себе врагов и вызывающие недовольство некоторых лиц. Следовательно, у ‘Али, особенно при жизни, врагов было не меньше, чем друзей.

Если бы личность ‘Али сегодня преподносилась объективно и без всякого искажения, то многие из тех, которые претендуют на дружбу с ним, стали бы его врагами.

Однажды Пророк послал ‘Али во главе с войском в Йемен. По возвращению он отправился в Мекку, чтобы встретиться там с Пророком. Около Мекки, назначив командующим отрядом одного из воинов, сам поспешил к Посланнику Аллаха, чтобы быстрее сообщить ему о результатах похода. Тот воин роздал членам отряда одежды, захваченные в качестве трофея, чтобы они вошли в Мекку в новом одеянии. ‘Али по возвращению выразил недовольство подобным действием и характеризовал его как нарушение дисциплины. Ибо без указания досточтимого Пророка (да благословит его Аллах и приветствует!) нельзя было распоряжаться этой одеждой, и на взгляд ‘Али (мир ему!) данное действие считалось своего рода посягательством на общую казну мусульман (*байт ул-мал*²). Поэтому Али велел всем снять с себя новую одежду и собрал их в отдельном месте, чтобы передать досточтимому Пророку (да благословит его Аллах и приветствует!), моля пусть Его Светлость сам примет решение относительно этой одежды. Воины были недовольны этим решением ‘Али (мир ему!). Когда они пришли к досточтимому Пророку (да благословит его Аллах и приветствует!), и когда он справился об их состоянии, воины стали жаловаться на ‘Али по поводу одежды. Тогда досточтимый Пророк (да благословит его Аллах и приветствует!), обращаясь к ним, сказал: «О,

¹ Коран, 5: 54.

² Байт ал-мал (букв. «дом имущества») – доходы, которые считались общим достоянием мусульман: пятая часть добычи (*ганима*), *закат* (налог в пользу нуждающихся мусульман), *харадж* (поземельный налог), *джизья* (поборы у последователей других монотеистических религий), бесхозное и выморочное имущество.

люди! Вам не следует сетовать на ‘Али, ибо, клянусь Богом, он достаточно усерден на стезе Господа, и не подобает в этом отношении жаловаться на него».¹

На стезе Господа ‘Али был непреклонен, не считаясь ни с кем. Наоборот, если к кому-то он проявлял милосердие или внимание, то делалось это только ради Господа. Подобное обстоятельство, невольно вызывает враждебность и воздействует на людей с духом своекорыстия и стяжательства больно и обидно.

Не у кого из сподвижников Пророка не было столь преданных друзей, как у ‘Али, но не у кого из сподвижников не было и столь дерзких и опасных врагов, какие были у ‘Али. Он был мужем, даже гроб которого стал объектом нападков его недоброжелателей. Он предвидел подобное обстоятельство, и, следовательно, завещал сохранить местоположение своей могилы в таве, и чтобы о месте его погребения знали только его собственные дети. Местоположение его благословенной гробницы было объявлено Имамом Джа’фаром Садиком спустя около столетия, когда уже пала Омейядская династия, пали или совсем ослабили хариджиты, и когда вражды и ненависти по отношению к нему поубавилось.

Вероломные, угнетатели и отступники

‘Али в период своего пребывания на посту халифа отталкивал от себя трех групп людей и стал бороться против них. Это были люди джимала², которых он называл вероломными (*накисин*), люди Сиффина³, которые были названы им угнетателями (*каситин*), а также люди Нахравана⁴ - хариджиты, которых стали называть отступниками (*марикин*)⁵. В этом плане ‘Али говорит: «Но едва я принял власть, как одна партия отступилась, а другая проявила неповиновение, покуда остальные совершали мерзости»⁶.

Вероломные (*накисин*) с психологической точки зрения были корыстолюбцами и сторонниками всякого преследования. Слова ‘Али относительно справедливости и равенства были направлены против этой группы людей. Но психологическое состояние угнетателей было подчинено политиканству, фальши и раздорам. Они стремились брать в свои руки бразды управления государством и стремились ослабить влияние ‘Али. Некоторые лица, стремясь к достижению своих корыстных целей, посоветовали ему примириться с подобными людьми. А он не соглашался, ибо был далек от подобных сделок. Он был настроен бороться против всякого угнетения, а не примириться с угнетателями. А с другой стороны, Му’авийа и его сторонники выступали против власти ‘Али. Они сами хотели управлять исламским обществом, и в действительности, борьба ‘Али с ними была битвой против вероломства и раздоров.

Третья группа, то есть отступники (*марикин*) отличались духом ненужной раздражительности, показной святости и опасного невежества. ‘Али категорически отвергал этих людей, отталкивал их от себя, и был по отношению к ним непримирим.

¹ Ибн Хишам «Сира», т. 4, с. 250.

² Имеется в виду мятеж, поднятый в 656 году против ‘Али сподвижниками Пророка Талхой и Зубайром. Мятежников поддерживала вдова Пророка, энергичная ‘Аиша, которая во время битвы вдохновляла своих сторонников, восседая на верблюдице (*джмал*). Отсюда и название битвы «битва джимал», участники которой в истории ислама стали известны как *люди джимал*. Исход битвы решался в пользу ‘Али, который простил участников мятежа, в том числе и ‘Аишу.

³ Название местности на правом берегу Евфрата, где состоялась упомянутая нами ранее в этой книге битва между сторонниками ‘Али и Му’авийи.

⁴ Название местности недалеко от Сафина, где хариджиты покинули лагерь ‘Али.

⁵ До этого с такими же названиями подобных людей характеризовал сам Пророк, который обращаясь к ‘Али, сказал: «После меня тебе придется вступить в битву с вероломными, угнетателями и отступниками». Данное предание приводится Ибн Аби-л-Хадилом в его комментариях к «Нахдж ул-балага, т. 1, с. 201, который отмечает, что «это предание является одним из аргументов в пользу пророчества Печати Пророков, ибо в нем четко предсказывается будущее». (Прим. автора).

⁶ «Нахдж ул-балага», хутба 3., с. 15.

Одним из проявлений универсальности и совершенства ‘Али является то, что, сталкиваясь с различными группировками, промахами и отклонениями, вел против них решительную борьбу. Порою, мы замечаем его на сцене борьбы против корыстолюбцев и ревнителей мира сего, иногда встречаем его в поле битвы против лживых и порочных политиканов, а зачастую замечаем его в состоянии борьбы против невежественных и греховных святош.

А теперь будем рассуждать о третьей из вышеперечисленных групп, то есть о хариджитах. У этой группы, несмотря на то, что они канули в Лету, очень поучительная история. Их мысли укоренились среди различных групп мусульман и, в результате, в течении всех четырнадцати лет истории ислама, несмотря на то, что их представители и даже название их группировок стерлись с памяти людей, тем не менее, их дух продолжает сохраняться в теле некоторых святош, что создает немало преград на пути прогресса ислама и мусульманского общества.

Появление хариджитов

Хариджиты – это мятежники. Это название образуется от слова *харидж*, то есть непокорность и мятеж. Их появление связано с нижеследующим событием. В последний день битвы при Сиффине, когда победа стала склоняться на сторону ‘Али, Му’авия по совету ‘Амру бин ‘Ас прибегал к очень обдуманной хитрости. Он, заметив тщетность всех своих действий и стараний и почувствовав неминуемость своего поражения, подумал, что может достичь желаемого результата только нечестным путем. Он велел своим воинам прикрепить листы Корана на кончиках копий, и тем самым продемонстрировать всем, что он и его сторонники также являются мусульманами и приверженцами Корана, и что спор следует разрешить только на основе Священной Книги. Это не было новым предложением, до этого оно прозвучало из уст самого ‘Али. Скорее всего, это было хитрым предлогом для того, чтобы избежать надвигающегося поражения и как-то спастись от гибели.

‘Али, обращаясь к своим воинам, громогласно призывал: «Бейте их! Они хотят спасти себя под сенью слов и надписей Корана, а затем продолжить свои действия, противоречащие Корану. Важен правдивый смысл Корана, а не бумага с кораническими надписями. Коранической истиной и его верным проявлением являюсь я! Они используют бумагу и надписи в качестве предлога, чтобы уничтожить смысл и истину Корана.

Некоторые невежественные люди и безответственные святоши, численность которых была велика, к словам ‘Али отнеслись с удивлением. Они кричали: «Что, нам воевать с самим Кораном? Мы же воюем для возрождения Корана, а они тоже являются приверженцами Корана, так для чего нам воевать с ним?» ‘Али в ответ изрек: «Я тоже говорю, что нам следует воевать во имя Корана. Но эти люди никакого отношения к Корану не имеют. Они используют слова и записи Корана только для своей защиты».

В исламском фикхе, в книге «Китаб ал-джихад» («Книга о джихаде») рассматривается вопрос об использовании мусульман в качестве щита со стороны неверных. Здесь подразумевается случай, когда неверные, которые находятся в состоянии войны с мусульманами, используют мусульманских пленных впереди себя в качестве щита. При этом исламские воины при атаке или в случае, когда обороняются, вынуждены убивать и своих братьев по вере, используемых в качестве живого щита противником. То есть нанесение поражения атакующему врагу возможно только путем уничтожения своих братьев. При этом согласно исламским законам убийство братьев по вере во имя высших интересов ислама и в целях сохранения жизни остальных мусульман считается позволительным. В данном случае используемые в качестве живого щита мусульманские военнопленные, будучи воинами ислама, считаются мучениками (*шахидами*), и при их гибели близким и родственникам этих воинов за счет исламского бюджета оплачивается необходимая материальная компенсация.¹

¹ Лам’а. т. 1, «Китаб ал-джихад», раздел 1; «Шарае’», «Китаб ал-наджат».

И подобное обстоятельство свойственно не только исламскому фикху. В мировых законах относительно войны и военных действий также встречается положение, согласно которому в случае использования противником внутренних сил принято уничтожить эти силы, чтобы достигнуть врага и заставить его отступить.

Когда ислам разрешает во имя достижения победы уничтожить людей, то о бумаге или каких-либо книгах говорить кажется излишним. Уважение к бумаге и к книгам зависит от содержания этих бумаг и книг. Сегодня (имеется в виду битва при Сиффине – М.М.) война ведется во имя содержания Корана. А они (противники – М.М.) используют бумагу в качестве средства для достижения своих целей, и в ущерб содержанию и смыслу Корана.

Но невежество подобно черному занавесу закрыло взоры их разума, и истина им была неведома. Они (хариджиты – М.М.) заявили, что не будут воевать с Кораном, это непозволительный поступок, который должен быть искоренен, а воевать следует с теми, кто является противником Корана. До окончательной победы (сторонников ‘Али – М.М.) осталось меньше часа. Малик Аштар, будучи благородным, преданным и самоотверженным военачальником, продолжал наступление и был близок к шатру самого Му’авийи и к тому, чтобы очистить тело ислама от излишних щипов. В это время упомянутая группа (хариджитов – М.М.) обратились к ‘Али с угрозами и заявили, что предпримут нападение на Малика Аштара с тыльной стороны. Несмотря на уговоры ‘Али, они продолжали отстаивать свою позицию и проявили больше упорства. ‘Али написал письмо Малеку Аштару и велел ему покинуть поле брани и приостановить битву. В ответ он просил еще несколько минут, ибо битва уже была почти выиграна, а противник был близок к краху.

Но хариджиты стали угрожать ‘Али, обнажая мечи и заявив, что в случае отказа приостановить битву они разрежут его на куски. ‘Али в очередной раз послал гонца к Малику Аштару, и просил его прекратить бой и вернуться, если желает видеть его (‘Али) живым. Он вернулся, а противник радовался своей удавшейся уловкой.

Битва была приостановлена, решено было вынести соответствующий вердикт по Корану. Для этого решили создать арбитражный суд, который должен был состояться из числа представителей двух сторон. Данному арбитражу вменялся в обязанность обсуждать ситуацию на основе Корана и общего согласия сторон, чтобы искоренить вражду и решить вопрос на справедливой основе.

‘Али просил, чтобы они (сторонники Му’авийи – М.М.) предложили своего представителя, чтобы в ответ он также выдвинул своего. Но они единодушно, с одобрением Амру бин ‘Аса и ‘Асары, выбрали путь обмана и хитрости. ‘Али предложил кандидатуру ‘Абдаллаха бин ‘Аббаса, испытанного политика или Малика Аштара, преданного и прозорливого мужа или кого-нибудь другого в этом роде, но невежественные лидеры противостоящей стороны искали в качестве кандидатуры себе подобного человека. И они выдвинули в состав арбитражного суда кандидатуру Абу Муса, человека недалековидного, который к тому же недолголюбивал ‘Али (мир ему!). На многочисленные попытки ‘Али и его друзей убедить противостоящую сторону в некомпетентности и нечестности Абу Мусы, противники отвечали, что на иную кандидатуру они не согласны. ‘Али согласился, оставив решение вопроса на их совесть. Наконец, Абу Муса был назначен в состав арбитражного суда в качестве представителя ‘Али. После длительных месяцев переговоров, ‘Амру бин ‘Ас, обращаясь к Абу Мусе, сказал: «Лучше, чтобы ради достижения согласия между мусульманами, на посту главы мусульман находился не ‘Али и не Му’авийа, а третье лицо, а лучшим в этом плане является никто иной, как твой зять ‘Абдаллах бин ‘Умар». Абу Муса согласился и сказал: «Ты прав. Теперь как нам поступить?». После чего ‘Амру бин ‘Ас продолжил: «Для этого ты лишишь ‘Али права на халифат, а я откажу Му’авию занять пост халифа. А мусульмане изберут на этот пост достойного человека, каковым обязательно будет Абдаллах бин ‘Умар. И тем самым вражда между мусульманами будет искоренена». Договорившись, они объявили, что люди должны собраться для объявления вынесенного арбитражным судом вердикта.

Народ собрался. Абу Муса, обращаясь к ‘Амру бин ‘Ас, просил, чтобы тот излагал свою позицию. А ‘Амру бин ‘Ас в ответ сказал: «Почему я? Ты старше меня и к тому же относишься к

числу уважаемых сподвижников Пророка. Мне не подобает позволить себе дерзость и выступить раньше тебя». Абу Муса двинулся в сторону трибуны (*минбара*). Теперь уже сердца у людей трепетали, глаза были сосредоточены в его сторону, дыхание у всех, как будто, приостановилось. Все ждали оглашения решения арбитража. Абу Муса начал говорить и заявил: «Мы после переговоров пришли к такому выводу, что ради блага исламской уммы халифом не были ни Али и ни Му'авийа. Мусульмане сами могут выбрать халифом кого хотят». Затем, сняв со своего пальца кольцо, добавил: «Я снимаю 'Али с поста халифа, так же как снял со своего пальца это кольцо». Сказав это, он покинул трибуну.

Место за трибуной занял 'Амру бин 'Ас, который сказал: «Вы слышали слова Абу Мусы, который снял 'Али с поста халифа, я тоже снимаю его с этого поста, как это делал Абу Муса». После этого он также снял со своего пальца кольцо,

Некоторые невежественные люди и безответственные святоши, численность которых была велика, к словам 'Али отнеслись с удивлением. Они кричали: «Что, нам воевать с самим Кораном? Мы же воюем для возрождения Корана, а они тоже являются приверженцами Корана, так для чего нам воевать с ним?» 'Али в ответ изрек: «Я тоже говорю, что нам следует воевать во имя Корана. Но эти люди никакого отношения к Корану не имеют. Они используют слова и записи Корана только для своей защиты».

В исламском фикхе, в книге «Китаб ал-джихад» («Книга о джихаде») рассматривается вопрос об использовании мусульман в качестве щита со стороны неверных. Здесь подразумевается случай, когда неверные, которые находятся в состоянии войны с мусульманами, используют мусульманских пленных впереди себя в качестве щита. При этом исламские воины при атаке или в случае, когда обороняются, вынуждены убивать и своих братьев по вере, используемых в качестве живого щита противником. То есть нанесение поражения атакующему врагу возможно только путем уничтожения своих братьев. При этом согласно исламским законам убийство братьев по вере во имя высших интересов ислама и в целях сохранения жизни остальных мусульман считается позволительным. В данном случае используемые в качестве живого щита мусульманские военнопленные, будучи воинами ислама, считаются мучениками (*шахидами*), и при их гибели близким и родственникам этих воинов за счет исламского бюджета оплачивается необходимая материальная компенсация.¹

И подобное обстоятельство свойственно не только исламскому фикху. В мировых законах относительно войны и военных действий также встречается положение, согласно которому в случае использования противником внутренних сил принято уничтожить эти силы, чтобы достигнуть врага и заставить его отступить.

Когда ислам разрешает во имя достижения победы уничтожить людей, то о бумаге или каких-либо книгах говорить кажется излишним. Уважение к бумаге и к книгам зависит от содержания этих бумаг и книг. Сегодня (имеется в виду битва при Сиффине – М.М.) война ведется во имя содержания Корана. А они (противники – М.М.) используют бумагу в качестве средства для достижения своих целей, и в ущерб содержанию и смыслу Корана.

Но невежество подобно черному занавесу закрыло взоры их разума, и истина им была неведома. Они (хариджиты – М.М.) заявили, что не будут воевать с Кораном, это непозволительный поступок, который должен быть искоренен, а воевать следует с теми, кто является противником Корана. До окончательной победы (сторонников 'Али – М.М.) осталось меньше часа. Малик Аштар, будучи благородным, преданным и самоотверженным военачальником, продолжал наступление и был близок к шатру самого Му'авийи и к тому, чтобы очистить тело ислама от излишних щипов. В это время упомянутая группа (хариджитов – М.М.) обратились к 'Али с угрозами и заявили, что предпримут нападение на Малика Аштара с тыльной стороны. Несмотря на уговоры 'Али, они продолжали отстаивать свою позицию и проявили больше упорства. 'Али написал письмо Малеку Аштара и велел ему покинуть поле брани и приостановить битву. В ответ он просил еще несколько минут, ибо битва уже была почти выиграна, а противник был близок к краху.

¹ Лам'а. т. 1, «Китаб ал-джихад», раздел 1; «Шарае'», «Китаб ал-наджат».

Но хариджиты стали угрожать 'Али, обнажая мечи и заявив, что в случае отказа приостановить битву они разрежут его на куски. 'Али в очередной раз послал гонца к Малику Аштару, и просил его прекратить бой и вернуться, если желает видеть его ('Али) живым. Он вернулся, а противник радовался своей удавшейся уловкой.

Битва была приостановлена, решено было вынести соответствующий вердикт по Корану. Для этого решили создать арбитражный суд, который должен был состояться из числа представителей двух сторон. Данному арбитражу вменялся в обязанность обсуждать ситуацию на основе Корана и общего согласия сторон, чтобы искоренить вражду и решить вопрос на справедливой основе.

'Али просил, чтобы они (сторонники Му'авийи – М.М.) предложили своего представителя, чтобы в ответ он также выдвинул своего. Но они единодушно, с одобрением Амру бин 'Аса и 'Асары, выбрали путь обмана и хитрости. 'Али предложил кандидатуру 'Абдаллаха бин 'Аббаса, испытанного политика или Малика Аштара, преданного и прозорливого мужа или кого-нибудь другого в этом роде, но невежественные лидеры противостоящей стороны искали в качестве кандидатуры себе подобного человека. И они выдвинули в состав арбитражного суда кандидатуру Абу Муса, человека недалёковидного, который к тому же недолголюбивал 'Али (мир ему!). На многочисленные попытки 'Али и его друзей убедить противостоящую сторону в некомпетентности и нечестности Абу Мусы, противники отвечали, что на иную кандидатуру они не согласны. 'Али согласился, оставив решение вопроса на их совесть. Наконец, Абу Муса был назначен в состав арбитражного суда в качестве представителя 'Али. После длительных месяцев переговоров, 'Амру бин 'Ас, обращаясь к Абу Мусе, сказал: «Лучше, чтобы ради достижения согласия между мусульманами, на посту главы мусульман находился не 'Али и не Му'авийа, а третье лицо, а лучшим в этом плане является никто иной, как твой зять 'Абдаллах бин 'Умар». Абу Муса согласился и сказал: «Ты прав. Теперь как нам поступить?». После чего 'Амру бин 'Ас продолжил: «Для этого ты лишишь 'Али права на халифат, а я откажу Му'авию занять пост халифа. А мусульмане изберут на этот пост достойного человека, каковым обязательно будет Абдаллах бин 'Умар. И тем самым вражда между мусульманами будет искоренена». Договорившись, они объявили, что люди должны собраться для объявления вынесенного арбитражным судом вердикта.

Народ собрался. Абу Муса, обращаясь к 'Амру бин 'Ас, просил, чтобы тот излагал свою позицию. А 'Амру бин 'Ас в ответ сказал: «Почему я? Ты старше меня и к тому же относишься к числу уважаемых сподвижников Пророка. Мне не подобает позволить себе дерзость и выступить раньше тебя». Абу Муса двинулся в сторону трибуны (*минбара*). Теперь уже сердца у людей трепетали, глаза были сосредоточены в его сторону, дыхание у всех, как будто, приостановилось. Все ждали оглашения решения арбитража. Абу Муса начал говорить и заявил: «Мы после переговоров пришли к такому выводу, что ради блага исламской уммы халифом не были ни Али и ни Му'авийа. Мусульмане сами могут выбрать халифом кого хотят». Затем, сняв со своего пальца кольцо, добавил: «Я снимаю 'Али с поста халифа, так же как снял со своего пальца это кольцо». Сказав это, он покинул трибуну.

Место за трибуной занял 'Амру бин 'Ас, который сказал: «Вы слышали слова Абу Мусы, который снял 'Али с поста халифа, я тоже снимаю его с этого поста, как это делал Абу Муса». После этого он также снял со своего пальца кольцо,

Некоторые невежественные люди и безответственные святоши, численность которых была велика, к словам 'Али отнеслись с удивлением. Они кричали: «Что, нам воевать с самим Кораном? Мы же воюем для возрождения Корана, а они тоже являются приверженцами Корана, так для чего нам воевать с ним?» 'Али в ответ изрек: «Я тоже говорю, что нам следует воевать во имя Корана. Но эти люди никакого отношения к Корану не имеют. Они используют слова и записи Корана только для своей защиты».

В исламском фикхе, в книге «Китаб ал-джихад» («Книга о джихаде») рассматривается вопрос об использовании мусульман в качестве щита со стороны неверных. Здесь подразумевается случай, когда неверные, которые находятся в состоянии войны с мусульманами, используют мусульманских пленников впереди себя в качестве щита. При этом исламские воины

при атаке или в случае, когда обороняются, вынуждены убивать и своих братьев по вере, используемых в качестве живого щита противником. То есть нанесение поражения атакующему врагу возможно только путем уничтожения своих братьев. При этом согласно исламским законам убийство братьев по вере во имя высших интересов ислама и в целях сохранения жизни остальных мусульман считается позволительным. В данном случае используемые в качестве живого щита мусульманские военнопленные, будучи воинами ислама, считаются мучениками (*шахидами*), и при их гибели близким и родственникам этих воинов за счет исламского бюджета оплачивается необходимая материальная компенсация.¹

И подобное обстоятельство свойственно не только исламскому фикху. В мировых законах относительно войны и военных действий также встречается положение, согласно которому в случае использования противником внутренних сил принято уничтожить эти силы, чтобы достигнуть врага и заставить его отступить.

Когда ислам разрешает во имя достижения победы уничтожить людей, то о бумаге или каких-либо книгах говорить кажется излишним. Уважение к бумаге и к книгам зависит от содержания этих бумаг и книг. Сегодня (имеется в виду битва при Сиффине – М.М.) война ведется во имя содержания Корана. А они (противники – М.М.) используют бумагу в качестве средства для достижения своих целей, и в ущерб содержанию и смыслу Корана.

Но невежество подобно черному занавесу закрыло взоры их разума, и истина им была неизвестна. Они (хариджиты – М.М.) заявили, что не будут воевать с Кораном, это непозволительный поступок, который должен быть искоренен, а воевать следует с теми, кто является противником Корана. До окончательной победы (сторонников ‘Али – М.М.) осталось меньше часа. Малик Аштар, будучи благородным, преданным и самоотверженным военачальником, продолжал наступление и был близок к шатру самого Му’авии и к тому, чтобы очистить тело ислама от излишних щипов. В это время упомянутая группа (хариджитов – М.М.) обратились к ‘Али с угрозами и заявили, что предпримут нападение на Малика Аштара с тыльной стороны. Несмотря на уговоры ‘Али, они продолжали отстаивать свою позицию и проявили больше упорства. ‘Али написал письмо Малеку Аштара и велел ему покинуть поле брани и приостановить битву. В ответ он просил еще несколько минут, ибо битва уже была почти выиграна, а противник был близок к краху.

Но хариджиты стали угрожать ‘Али, обнажая мечи и заявив, что в случае отказа приостановить битву они разрежут его на куски. ‘Али в очередной раз послал гонца к Малику Аштару, и просил его прекратить бой и вернуться, если желает видеть его (‘Али) живым. Он вернулся, а противник радовался своей удавшейся уловкой.

Битва была приостановлена, решено было вынести соответствующий вердикт по Корану. Для этого решили создать арбитражный суд, который должен был состояться из числа представителей двух сторон. Данному арбитражу вменялся в обязанность обсуждать ситуацию на основе Корана и общего согласия сторон, чтобы искоренить вражду и решить вопрос на справедливой основе.

‘Али просил, чтобы они (сторонники Му’авии – М.М.) предложили своего представителя, чтобы в ответ он также выдвинул своего. Но они единодушно, с одобрением Амру бин ‘Аса и ‘Асары, выбрали путь обмана и хитрости. ‘Али предложил кандидатуру ‘Абдаллаха бин ‘Аббаса, испытанного политика или Малика Аштара, преданного и прозорливого мужа или кого-нибудь другого в этом роде, но невежественные лидеры противостоящей стороны искали в качестве кандидатуры себе подобного человека. И они выдвинули в состав арбитражного суда кандидатуру Абу Муса, человека недалекновидного, который к тому же недолюбливал ‘Али (мир ему!). На многочисленные попытки ‘Али и его друзей убедить противостоящую сторону в некомпетентности и нечестности Абу Мусы, противники отвечали, что на иную кандидатуру они не согласны. ‘Али согласился, оставив решение вопроса на их совесть. Наконец, Абу Муса был назначен в состав арбитражного суда в качестве представителя ‘Али. После длительных месяцев переговоров, ‘Амру бин ‘Ас, обращаясь к Абу Мусе, сказал: «Лучше, чтобы ради достижения

¹ Лам’а. т. 1, «Китаб ал-джихад», раздел 1; «Шарае’», «Китаб ал-наджат».

согласия между мусульманами, на посту главы мусульман находился не ‘Али и не Му’авийа, а третье лицо, а лучшим в этом плане является никто иной, как твой зять ‘Абдаллах бин ‘Умар». Абу Муса согласился и сказал: «Ты прав. Теперь как нам поступить?». После чего ‘Амру бин ‘Ас продолжил: «Для этого ты лишишь ‘Али права на халифат, а я откажу Му’авию занять пост халифа. А мусульмане изберут на этот пост достойного человека, каковым обязательно будет Абдаллах бин ‘Умар. И тем самым вражда между мусульманами будет искоренена». Договорившись, они объявили, что люди должны собраться для объявления вынесенного арбитражным судом вердикта.

Народ собрался. Абу Муса, обращаясь к ‘Амру бин ‘Ас, просил, чтобы тот излагал свою позицию. А ‘Амру бин ‘Ас в ответ сказал: «Почему я? Ты старше меня и к тому же относишься к числу уважаемых сподвижников Пророка. Мне не подобает позволить себе дерзость и выступить раньше тебя». Абу Муса двинулся в сторону трибуны (*минбара*). Теперь уже сердца у людей трепетали, глаза были сосредоточены в его сторону, дыхание у всех, как будто, приостановилось. Все ждали оглашения решения арбитража. Абу Муса начал говорить и заявил: «Мы после переговоров пришли к такому выводу, что ради блага исламской уммы халифом не были ни Али и ни Му’авийа. Мусульмане сами могут выбрать халифом кого хотят». Затем, сняв со своего пальца кольцо, добавил: «Я снимаю ‘Али с поста халифа, так же как снял со своего пальца это кольцо». Сказав это, он покинул трибуну.

Место за трибуной занял ‘Амру бин ‘Ас, который сказал: «Вы слышали слова Абу Мусы, который снял ‘Али с поста халифа, я тоже снимаю его с этого поста, как это делал Абу Муса». После этого он также снял с пальца своей правой руки кольцо, затем надел его на палец левой руки и сказал: «Я признаю халифом Му’авию, так же как надел кольцо на свой палец». Сказав это, он также покинул трибуну.

Поднялась шумиха на собрании. Люди нападали на Абу Муса, некоторые стали угрожать его хлыстами. Он сбежал в Мекку, а ‘Амру бин ‘Ас отправился в Шам (Сирию).

Хариджиты, которые были инициаторами этого бесчестия, воочию наблюдали за работой арбитража и поняли свою ошибку. Но они, все-таки, не догадались об истинной сути своего промаха. Они не признавались в том, что ошиблись, когда поверив хитростям Му’авийи и ‘Амру бин ‘Аса, приостановили сражение; не признавались в том, что допустили промах, назначив арбитрами ‘Амру бин ‘Аса и Абу Мусу. Наоборот, они утверждали, что ошиблись именно тогда, когда, не понимая, подчинились воле людского арбитража, тем самым якобы способствуя тому, чтобы еретиками стали как ‘Али, так и они сами. Ибо арбитром в решении религиозных вопросов может выступить только Сам Господь. Поэтому они покались и призывали к покаянию и самого ‘Али.

В ответ ‘Али изрек: «Да простит Бог мне все мои грехи! Мы постоянно просим прощения у Господа за наши прегрешения». А они сказали, что этого недостаточно, и ты должен признать греховность арбитража и просить прощения у Бога именно за это свое прегрешение. Он парировал, отметив, что не им был придуман вопрос об арбитраже, наоборот, это было их (хариджитов – М.М.) предложение; с другой стороны как можно считать грехом то, что в исламе считается легитимным и как признаться в несовершенном грехе?

После этого хариджиты стали действовать в качестве религиозной секты. Вначале они представляли собой мятежную и непокорную группу и, следовательно, назывались *хариджитами*. Но постепенно они придумали для себя принципы и основы вероучения и их партия, имеющая вначале политический характер, со временем обрела религиозную окраску. Хариджиты позднее в качестве сторонников отдельно взятой богословско-правовой школы (*мазхаба*) приступили к религиозной пропаганде. Постепенно стали думать о разоблачении причин якобы существующих в исламском мире пороков. Они пришли к такому выводу, что ‘Усман (третий халиф), ‘Али и Му’авийа все являются грешниками, и мы должны бороться против возникших пороков, поощрять одобряемое и запретить порицаемое. Следовательно, хариджитская богословско-правовая школа возникла под предлогом обязательств относительно поощрения одобряемого и запрещения порицаемого.

Обязательство относительно поощрения одобряемого и запрещения порицаемого, прежде всего, подчинено двум условиям: первое, это религиозная прозорливость, а второе – практическая прозорливость. Ибо, как говорится в одном из преданий, без подобной прозорливости в следовании религиозному учению больше вреда, чем пользы. А практическая прозорливость предполагает наличие двух условий, которые в фикхе упоминаются словосочетаниями «возможности влияния» и «отсутствие систематизированных пороков». Эти понятия, скорее всего, связаны с логическим подходом к упомянутым обязанностям.¹

Хариджиты не отличались ни религиозной и ни практической прозорливостью. Они были невежественными людьми, лишенными прозорливости, они даже отрицали необходимость наличия практической прозорливости. Ибо они считали религиозные действия чисто культовым делом и утверждали, что они должны совершаться без наличия прозорливости, иначе говоря, закрытыми глазами.

Принципы убеждения хариджитов

Основные корни принадлежности к хариджитам состоят из нескольких факторов:

1 – Объявление анафемы ‘Али и ‘Усману, «людям джимала» и «людям (сторонникам) арбитража» – тем, которые согласились на арбитраж, за исключением тех которые вначале голосовали за арбитраж, а потом покаялись.

2 – Объявление анафемы тем, которые не признают необходимость объявления анафемы ‘Али, ‘Усману и другим упомянутым лицам.

3 – Вера является не только внутренней убежденностью; ее составляющими элементами являются также и действия согласно предписаниям и недопущение отрицания религиозных установок. Вера состоит из убеждений и действий.

4 – Безоговорочная необходимость восстания против деспотического правителя или религиозного предводителя. Поощрение одобряемого и запрещение порицаемого, как божественное веление, должны практиковаться везде, без каких-либо ограничений и условий.²

Хариджиты строили свое учение на этих принципах и всех людей на земле считали достойными казни и вечному горению в огне.

Убеждения хариджитов относительно халифату

У хариджитов единственной мысли, высоко оцениваемой сегодняшними реформистами, является теория относительно халифату. Им в этом плане были свойственны мысли с демократической направленностью. Они утверждали, что пост халифа должен быть выборным и самими достойными на этот пост являются люди, компетентные с точки зрения веры и богобоязненности. При этом, не важно, являются ли они представителями племени курейш или нет, из известной ли они племени или малоизвестной, арабы ли они или нет.

Даже после избрания халифом, лицо, действующее не в соответствии с интересами исламского общества, может быть снято с поста халифа, и при этом если данное лицо сопротивляется, то следует воевать с ним и убить его.¹

¹ То есть поощрение одобряемого и запрещение порицаемого подразумевают необходимость распространения «одобряемого» и уничтожения «порицаемого». Следовательно, поощрять одобряемого и запрещать порицаемого следует там, где налицо вероятность результативности соответствующих действий. А если известно, что наши действия нерезультативны, то в чем необходимость подобных действий?

Кроме того, принцип легитимности данного действия связан с наличием целесообразности. Оно неизбежно должна предприниматься там, где угроза преобладания порочности отсутствует. Необходимым условием наличия этих двух условий является практическая прозорливость. Человек, лишенный практической прозорливости, не может правильно рассуждать о последствиях своих действий, и о том, не приводят ли его действия к большей порочности? Поэтому невежественное поощрение одобряемого приносит больше вреда, чем пользу. (Прим. автора).

² Дуа ал-ислам, т. 3, с. 330, со ссылкой на книгу «Ал-фикак байн ал-фикак».

В этом плане они выступили против шиитов, которые утверждают, что халифат – это божественное веление и халиф должен быть назначен Самим Богом. Кроме того, точка зрения хариджитов по вопросу халифата противоречила и суннитскому учению, согласно которому халифом должен быть только представитель племени курейш.

Видимо, теория хариджитов относительно халифату сложилась не сразу, а постепенно. И как явствует из популярного их лозунга «Нет другого властителя, кроме Бога!» и из содержания «Нахдж ул-балаги»², вначале они были убеждены, что люди и мусульманское общество вовсе не нуждаются в предводителе и власти, и люди сами должны действовать согласно Божьей Книге. Но позднее они отказались от этого убеждения и заявили о своей верности ‘Абдаллаху бин Вахбу Расби в качестве халифа.³

Мнение хариджитов о халифах

Хариджиты называли Абу Бакра и ‘Умара праведными халифами, считая, что они пришли к халифату на основе правильного выбора, в период своего правления не сбились с правильного пути и не допустили никаких промахов. Избрание ‘Усмана и ‘Али на пост халифа также считали правильным. Но они считали, что ‘Усман, начиная с шестого года своего правления, сбился с верного пути и стал еретиком и достойным казни; а ‘Али, согласившись на арбитражный суд и не раскаявшись в этом, также стал еретиком и достойным тому, чтобы быть казненным. Следовательно, они считали пребывание ‘Усмана на посту халифа с седьмого года его правления, а халифат ‘Али после его согласия на арбитражный суд нелегитимными.⁴ Они отстранялись также от последующих халифов, постоянно находясь с ними в состоянии войны.

Падение хариджитов

Данное общество (секта хариджитов – М.М.) появилось в конце четвертого десятилетия первого века хиджри (седьмое десятилетие 7 века н. э.) в результате очень опасной ошибки и сохранилось не более полутора столетия. Члены этого общества из-за своей дерзости и необдуманной отваги не раз стали объектом преследования халифов и ускорили процесс своей гибели и гибели своих единомышленников. И в начале правления Аббасидских халифов данная секта перестала существовать. Присущая им жесткая и бездуховная логика, противоречие их метода жизненным реалиям, их жесткое и непримиримое поведение и, наконец, свойственная им дерзость, которая полностью исключала возможность скрывания религиозных убеждений (*такийя*), послужили причиной их гибели. Школа хариджитов фактически не относилась к числу школ, способных к самосохранению. Тем не менее, эта школа оставила свои следы. Мысли и убеждения хариджитского толка оказали влияние на многие исламские секты, и поныне существует немало людей с хариджитским мышлением, которые, как и во времена ‘Али, выступают в качестве самих опасных внутренних врагов ислама. Подобные люди, также как в свое время Му’авийа, и ‘Амру бин ‘Ас, постоянно существовали и существуют. И они для осуществления своих корыстных целей своевременно используют промахи своих врагов, каковыми в свое время являлись хариджиты.

Лозунг или дух?

¹ Там же, с. 332.

² Нахдж ул-балага, хутба 40.

³ Ибн ал-Асир. «каmil», т. 3, с. 336.

⁴ Шахрастани. «Ал-милал ва-н-нихал».

Споры о хариджитах и принадлежность хариджитскому толку ныне в рамках религиозного диспута является неуместным и бесполезным. Ибо подобного религиозного толка сегодня в мире не существует. Вместе с тем рассуждения о хариджитах и о сущности их деятельности для нас и нашего общества являются поучительными, так как, хариджитская богословско-правовая школа, несмотря на свое вымирание, духовно продолжает существовать. Дух «хариджитского настроя» проникла в естество многих из нас.

Здесь необходимо краткое введение. Дело в том, что некоторые богословско-правовые школы, вымирая с точки зрения выдвинутых ими лозунгов, тем не менее, могут сохраниться с позиции присущего им духа. Хотя возможно и обратное, то есть лозунги некоторых духовно вымерших идеологических течений, могут оказаться живыми, и в результате некоторые лица или группы лиц, могут считаться последователями таких религиозных течений, к которым они духовно не принадлежат. И наоборот, некоторые лица, могут быть последователями религиозных течений, лозунги которых не признают.

Например, как всем известно, с самого начального периода после смерти досточтимого Пророка мусульмане подразделялись на последователей двух религиозных толков: сунниты и шииты. Сунниты придерживаются одних лозунгов и рамок убеждения, а шииты других.

Шииты утверждают, что 'Али является прямым преемником (*халифа*) Пророка, и он в этом качестве назначен самим Пророком по велению Бога. А сунниты убеждены, что в исламском законодательстве вопрос о халифе и имаме (духовном предводителе) специально не предусмотрен, и выбор руководителя и попечителя исламской уммы возлагается на самих мусульман. И халиф выбирается преимущественно из числа курейшитов.

Шиитам свойственен критический взгляд на многих сподвижников (*сахаб*) Пророка, которые считаются выдающимися и просвещенными личностями; а сунниты, наоборот, ко всем сподвижникам Пророка относятся с удивительным фанатическим уважением, утверждая, что все сподвижники были праведными и справедливыми личностями. Шиизм основан на критическом подходе, анализе, протесте и разбирательстве; а суннизм на оправдании сподвижников Пророка и на убежденности в их безупречном авторитете.

В наше время человеку достаточно сказать, что 'Али является непосредственным халифом (преемником) Пророка, чтобы мы признали его шиитом, не требуя у него больше никаких других признаний.

Но если взглянуть на начальный этап возникновения ислама, то мы замечаем особый дух, который является духом шиизма, и только благодаря этому духу люди были способны стопроцентно и без всяких колебаний и сомнений признать и воспринимать завещания Пророка относительно 'Али. Противоположной точкой являлось духовное состояние, и образ мышления из-за которого люди, несмотря на все свое уважение к Пророку, со ссылкой на специфические разъяснения, толкования и аллегорические объяснения игнорировали его заветы.

Фактически подобное разделение в исламе было связано с тем, что группа людей, которые, конечно, составляли большинство, отличались исключительно поверхностным воззрением, их взгляд не отличался достаточной глубиной, они на все смотрели только в положительном ракурсе. Они утверждали, что часть выдающихся сподвижников Пророка, старики и ветераны ислама прошли определенный путь, которого нельзя считать ошибочным. Но другая группа мусульман, которые были в меньшинстве, еще тогда говорили, что уважение к тем или иным личностям зависит от степени следования этих лиц истине. Но когда допускается нарушение принципов ислама со стороны этих лиц, то они не должны пользоваться уважением. Мы выступаем сторонниками принципов, а не личностей.

Сталкиваясь в истории ислама с такими лицами, как Салман Фариси, Абузар Гаффари, Микдад Кинди, 'Аммар Йасир и им подобных, и пытаясь узнать, что побудило их, игнорируя всех остальных, объединиться вокруг 'Али, то замечаем, что это были личности, приверженные принципам и осознавшие принципы. Они были, как знатоками, так и истинными приверженцами религии. Они заявляли, что не должны отдать бразды управления своими мыслями в руки других людей, чтобы избежать допущенные этими людьми промахи и упущения. Действительно, эти

люди обладали духом, над которым царствовали принципы и истинные положения, а не какие-либо лица и индивиды!

Один из сподвижников Повелителя Правоверных ‘Али во время «битвы джимал» испытал сильные сомнения. Он в изумлении взглянул на противоборствующие стороны. С одной стороны он видел ‘Али и вокруг него великих личностей ислама, мечи которых были на его службе. А с другой стороны, – ‘Айишу, одну из супруг досточтимого Пророка, о которых в Священном Коране говорилось, что они «являются матерями мусульман».¹ В числе сторонников ‘Айиши он видел Талху – видную личность ислама, выдающегося исламского воина и знаменитого лучника, который оказал исламу великие услуги; видел он среди них и Зубайра, более заслуженного деятеля ислама, чем Талха, человека, который даже в день Сакифы² был в числе лиц, скрывшихся от преследований в доме ‘Али.

И упомянутый сподвижник ‘Али был в состоянии сильного изумления и смятения, мол, что все это означает? Ведь ‘Али, Талха и Зубайр были выдающимися личностями исламского общества, служившими исламу, как неприступные крепости. А теперь они противостоят друг другу. Как следует поступить?

Обратите внимание! Не следует обвинять этого мужа за подобное сильное изумление и смятение? На эго месте и при тех условиях, тем более, зная о личностных качествах Талхи и Зубайра, мы тоже, вероятно, были бы изумлены.

Сегодня мы, подумав над противостоянием ‘Али, ‘Аммара, Увайса Крани и подобных им личностей с такими лицами, как ‘Айиша, Зубайр и Талха, уже не сомневаемся и не будем изумлены. Ибо мы сразу же представим, что вторая группа лиц были людьми преступного характера, иначе говоря, признаки преступления и измены читались у них на лицах, и одного взгляда на них было достаточно, чтобы отнести их к числу людей, достойных гореть в огне. Но если бы мы жили в упомянутые времена и непосредственно наблюдали за деяниями этих людей, то, может быть, мы тоже не были бы застрахованы от подобных изумлений.

А сегодня, считая первую группу лиц правыми и, отнеся вторую группу к числу заблудившихся, основываемся на том, что в ходе истории и в результате выяснения многих обстоятельств, мы узнали многое о личностных особенностях как ‘Али и ‘Аммара, так и Зубайра, Талхи и ‘Айиши. И, следовательно, мы располагаем необходимыми аргументами для того, чтобы правильно рассуждать о них. И даже если мы не являемся исследователями в области истории, то, во всяком случае, нам еще с детства разъяснили суть данного вопроса. Но в упомянутое нами время эти два фактора отсутствовали.

Так или иначе, упомянутый муж, удостоился чести встретиться с Повелителем Правоверных ‘Али и спросил: «Разве возможно, чтобы Талха, Зубайр и ‘Айиша предпринимали неверные шаги? Каким образом такие великие личности из числа сподвижников Посланника Бога могут допускать ошибки и выберут неверный путь? Разве это возможно?».

Ответные слова ‘Али, по мнению доктора Таха Хусейна, египетского ученого и писателя, содержат уникальные аргументации и «после прекращения ниспослания Божественного откровения и небесного воззвания более высоких слов никто не услышал».³ Итак, ‘Али изрек: «Ты заблуждаешься, и истина видится тебе в неверном свете. Истину и лож нельзя определять такими мерками, как положение и личностные качества людей. Это неправильно, когда ты, вначале устанавливая личностные мерки, затем на основе этой мерки пытаешься определить истину или ложь: мол, такое-то положение верно, ибо с ним согласны такие-то лица; и такое-то положение неверно, ибо оно противоречит позиции таких-то лиц. Наоборот, именно истина и ложь должны быть мерилем определения личностных качеств людей».

То есть ты должен главным образом стремиться к познанию истины и лжи, а не к познанию индивидов и личностей. Ты должен, не зависимо от их величия или незначительности, сравнить людей с учетом истины. Если личности соответствуют истине, ты должен признать их, а в

¹ Коран, 33: 6.

² День, когда Абубакр после смерти пророка был избран группой мусульман халифом. Сакифа местность в Медине, где состоялись выборы халифа.

³ Хусейн Таха. «‘Али ва бануху», с. 40.

обратном случае – нет. Это неправильно, когда говорят – «разве возможно, чтобы Талха и Зубайр были сторонниками лжи?». Здесь ‘Али считает, что мерилом истины является сама истина; именно на этом основывается и дух шиизма. И, действительно, шиитское течение представляет собой зарождение особого воззрения, основанного на сосредоточении внимания на исламские принципиальные основы, а не на лица и личности. Первые, самые ранние шииты неизбежно оказались людьми идейными, искренними и ярыми противниками язычества.

‘Али после кончины Пророка было 33 года, и вокруг него собралось группа менее чем из десяти человек. Ему противостояли шестидесятилетние старики с огромной толпой сторонников. Логика большинства основывалась на безупречную репутацию и непогрешимость пожилых людей и выдающихся личностей, за которыми они решили последовать. А логика меньшинства состоялась в том, что непогрешимой может быть только сама истина, а выдающиеся личности должны соизмерять свои шаги с истиной. Отсюда и выясняется, что в обществе много лиц, лозунгом которых является шиизм, и духовное состояние у которых не соответствует шиизму.

Путь шиизма соответственно его духу проходит через осознания истины и следования истине. Величайшим следствием этого пути является притяжение и отталкивание. Но это не простое притяжение и отталкивание. (Ибо, как нами уже было отмечено, иногда притяжение может состояться в притягивании к себе предосудительных и преступных начал, а отталкивание – в опровержении истины и похвальных человеческих качеств). Здесь подразумеваются притяжение и отталкивание, которые были свойственны самому ‘Али. Ибо шиит - это своего рода копия ‘Али, и шиит подобно ‘Али должен обладать двойственной силой.

Цель данного введения заключалась в упоминании о том, что даже в случае вымирания какой-либо богословско-правовой школы (*мазхаба*), его дух может оказаться живым среди людей, которые, внешне не являясь последователями этой школы, считают себя даже ее противниками. Хариджитская богословско-правовая школа ныне уже вымершая, то есть, сегодня в мире нет никакой более или менее заметной группы людей, которые называли бы себя ее последователем. Но разве дух хариджитского толка тоже вымер? И разве этот дух не проявляется среди последователей других толков? Разве (упаси Боже!) не проник этот дух и в нашу среду, среди представителей прослойки, которая стремится показаться святым?

Это вопросы, которые нуждаются в отдельном рассмотрении. Правильно осознавая особенности духа хариджитского толка, может быть, мы смогли бы ответить на эти вопросы. Спор вокруг хариджитского толка представляется ценным именно с этой позиции. Мы должны выяснит, почему ‘Али опровергал этих людей, иными словами, почему они не были вовлечены притягательностью ‘Али и, наоборот, были отвергнуты его отталкивающей силой?

Нами позже будет установлено, что все компоненты, имеющие влияние на формирование личностных качеств хариджитов и зарождение их духа, не относились к факторам, на которых распространилось бы влияние притягательности ‘Али. В духе хариджитов было также и немало выдающихся сторон и положительных черт, которые если бы не были приплетены с цепью негативных моментов, то могли бы отказаться под воздействием притягательной силы ‘Али. Но негативных сторон в их духе было так много, что они нашли свое место в стане его противников.

Демократия ‘Али

Повелитель Правоверных ‘Али в своих отношениях с хариджитами в высшей степени был свободным и демократичным, а хариджиты, как все другие мусульмане – его подданными, он мог осуществить по отношению к ним любую меру наказания. Но он не только не арестовывал и не наказал их, но даже сохранил за ними права пользования мусульманской казной (*байт ал-мал*), то есть обращался с ними, как и со всеми другими мусульманами. Подобное отношение, являясь в жизни ‘Али обычным явлением, в истории человечества встречается очень редко. Хариджиты всегда и везде были свободно высказать свое мнение. Его Светлость ‘Али и его

сподвижники говорили с ними с соблюдением принципа свободы убеждения. Каждая из сторон спорили и приводили свои аргументации, свободно опровергая мнения другой стороны.

Возможно, подобный уровень свободы, со столь демократичным отношением власти к оппозиции, в мире является уникальным. Ведь хариджиты, посещая мечети, часто мешали ‘Али при его выступлениях и проповедях. Однажды, когда Повелитель Правоверных ‘Али стоял за минбаром (возвышенности в мечети для произнесения проповедей), к нему обратился с вопросом некий мужчина. ‘Али ответил на вопрос незамедлительно. В это время один из хариджитов из толпы громогласно заявил: «Да пусть Бог заберет его душу, какой он сведущий!». Другие присутствующие хотели протестовать, но ‘Али остановил их, ссылаясь на то, что он ругался только в его (‘Али) адрес. Хариджиты никогда не соглашались читать намаз под предводительством (имамом) ‘Али, ибо считали его еретиком. Они приходили в мечеть, но читали намаз отдельно и иногда оскорбляли ‘Али.

Однажды ‘Али возглавлял процесс общей молитвы, и люди выстроились за ним. Вдруг один из хариджитов по имени Ибн Алкава громогласно, по-своему упрекая ‘Али, прочитал аят Корана: «Тебе и тем, кто жил до тебя, было внушено через откровение:: «Если станешь поклоняться другим богам, помимо Бога [Единобого] тщетны будут деяния твои [в мире этом], и окажешься ты [в день Судный] среди ущерб потерпевших»».¹

Данный аят адресован Пророку, с предупреждением о том, что ему и пророкам до него было ниспослано Божественное откровение, в котором говорилось, что если они станут язычниками, то все их деяния будут тщетными и они станут из числа ущерб потерпевших.

Читая этот аят, Ибн Алкава намекал на то, что прежние заслуги ‘Али перед исламом всем известны. - Он первый, кто принял ислам; Пророк назвал его своим братом; в ночь, когда Пророку угрожал опасность, он проявил самоотверженность и занял его место в одре, и тем самым спас его жизнь; он много раз рисковал своей жизнью во имя ислама; его заслуги перед исламом не вызывают никакого сомнения. Но Бог даже Своего Пророка предупреждал, что если он примыкает к язычникам, то все его заслуги окажутся напрасными. И раз ‘Али сегодня стал еретиком, то его прежние заслуги не в счет.

А как поступил в ответ ‘Али? Он молча слушал, пока Ибн Алкава прочитал аят из Корана, после чего продолжил читать молитву. Ибн Алкава повторно стал читать данный аят, а ‘Али молча слушал. ‘Али при этом предпочитал молчание, ибо в Коране содержится предписание: «Когда читают [вам] Коран, внимайте ему безмолвно. Тогда, быть может, помилуют вас».² То есть, он должен был безмолвно слушать.

После того, как Ибн Алкава несколько раз повторял данный аят, желая нарушить ход молитвы, ‘Али в ответ прочитал нижеследующий аят: «Так терпи же [, Мухаммад], ибо непреложно то, что обещано Всевышним. И да сочтут тебя слабым [в Вере] те, кто сами не стойки в ней».³ Затем, он, не обращая внимание на слова Ибн Алкавы, продолжил молитву.

Восстание хариджитов

Вначале хариджиты вели себя спокойно, ограничившись только критикой и свободными спорами. ‘Али относился к ним по-прежнему спокойно, то есть ни в коем случае не беспокоил их и даже не запретил выдать им долю из общей казны (*байт ал-мал*). Но, не дожидаясь покаяния со стороны ‘Али, постепенно меняли свою тактику и решили осуществить переворот. Они собрались в доме одного из своих единомышленников, который читал очень остро критическую и жесткую проповедь и в рамках исламского принципа поощрения дозволенного и запрещения порицаемого призывал своих друзей к восстанию. Обращаясь к ним, он в частности сказал: «Хвала Господу! А затем, следует отметить, что людям, верящим в Единого Бога и последующим предписаниям Корана, не подобает ставить принцип поощрения дозволенного и запрещения

¹ Коран, 39: 65.

² Коран, 7: 204.

³ Коран, 30: 60.

предосудительного выше мирских благ, если даже соблюдение этого принципа им не выгодно и опасно. Ибо каждого, кто в этом мире потерпит ущерб и испытывает опасности, в дне Суда ждут радости и вечные райские наслаждения. Братья, выведите нас из этого заселенного угнетателями города в горные местности и в некоторые провинции, чтобы мы могли восстать против этих вводящих в заблуждение ересей и предотвратить их».¹

Под воздействием этих слов сердца хариджитов охватила еще большая ожесточенность. С этого момента они начали открытое восстание. Они угрожали безопасности дорог, приступили к грабежам и смутам.² Этим путем они были намерены ослабить государственные устои и низложить существующую власть.

Теперь время толерантного отношения к хариджитам осталось позади, ибо речь шла уже не о свободном выражении своих позиций, а об угрозе против социальной стабильности и о вооруженном восстании против легитимной власти. Поэтому 'Али стал преследовать их и оказался лицом к лицу с их силами около Нахравана. Он обратился к ним с проповедью и питался наставлять их на путь истины. После чего, поручил своему сподвижнику Абу Айубу Ансари поднять знамя перемирия, объявив, что каждый, кто будет находиться под этим знаменем, заслуживает пощады. Из 12 тысячи хариджитов 8 тысяч примкнули к 'Али, а остальные решили сопротивляться. Они потерпели полное поражение, и в живых осталось лишь незначительное их количество.

Отличительные особенности хариджитов

Хариджиты отличались особым духовным состоянием. Они представляли собой совокупность положительных и отрицательных черт. А в целом, из-за присущих им качеств они нашли свое место в стане врагов 'Али – Личность Али, не привлекала, а отталкивала их.

Мы в целом перечислим как положительные и прекрасные стороны духа хариджитов, так и присущие этому духу отрицательные стороны, которые в совокупности своей придали духу хариджитов опасные и даже страшные черты:

1 – Они обладали борцовским и самоотверженным духом, и на пути реализации своих идей проявляли особое упорство. В истории хариджитов замечаем такие примеры самоотверженности, которые в истории человечества встречались весьма редко. Подобная самоотверженность и самозабвение придавало им отвагу и силу. Так, средневековый исламский автор Ибн 'Абдаррайба, говоря о хариджитах, отмечает: «Среди последователей всех других толков невозможно было найти более убежденных, старательных и более готовых к смерти, чем хариджиты. Один из них был глубоко и тяжело ранен копьем. В этом состоянии он стремился вперед навстречу своей смерти и говорил: «О, Боже! Я спешу к Тебе, чтобы Ты был доволен мною».³

Му'авийа послал отца одного из хариджитов, чтобы тот уговорил сына отречься от своих убеждений. Отец не мог уговорить сына менять свои убеждения, и, наконец, обратившись к нему, сказал: «Сынок! Я сейчас пойду и приведу твоего малолетнего сына, чтобы, увидев его, ты почувствовал отцовскую любовь и стал более сговорчивым». Сын ответил: «Клянусь Богом, я сейчас больше желаю испытать тяжелые удары, чем видеть моего сына».⁴

2 – Они были людьми идейными и склонными к молитвам. Ночами напролет занимались молитвами, а мирские блага и соблазны их не интересовали. Однажды, когда 'Али отправлял своего сподвижника Ибн 'Аббаса для назидания «людей Нахравана», тот после возвращения, описал их следующим образом: «Это 12 тысяч человек, лбы у которых от множества молитв покрыты мозолями. При молитвах они опираются руками о твердую и горячую землю, поэтому

¹ Ал-имамат ва-с-сийасат, с 141.

² Там же, с. 143.

³ Ибн Абдаррайба. «Фаджр ал ислам», с. 263, со ссылкой на «Ал-'акд ал-фарид».

⁴ Там же, с. 243.

кисти их рук стали такими же грубыми, как копыта верблюдов. Они одеваются в старые и изношенные рубища. Но они все - целеустремленные и решительные».

Хариджиты были строго привержены исламским предписаниям и внешним аспектам ислама. Они никогда не допускали в своей практике то, что сами считали греховным. У них были свои нормы поведения, которых никогда не нарушали, они отвергали любого, кто допускал какие-либо греховные поступки. Зийад ибн Абихи убил одного из хариджитов. Затем, желая узнать подробности об его жизни, вызвал к себе его раба. Раб сказал: «Никогда днем я ему не носил еду, а ночью никогда не постелил ему. Днем он постился, а ночь провел в молениях».¹

При каждом своем шаге хариджиты исходили из своих убеждений, все их действия были основаны на идейных соображениях. Они стремились к распространению своих убеждений.

‘Али (мир ему!) отзывался о них следующим образом: «Не ссорьте меня с хариджитами. Ибо тот, кто ищет правду, но идет не верным путем, не уподобляется тому, кто ищет кривду и находит его».² Иными словами ‘Али признает разницу между хариджитами и сторонниками Му’авийи. Ибо хариджиты стремились к истине, но заблуждались, а они (сторонники Му’авийи) с самого начала были обманщиками и избрали неверный путь. Поэтому казнь хариджитов был в интересах Му’авийи, который являлся более коварным и опасным, чем хариджиты.

Прежде чем приступить к перечислению всех других особенностей хариджитов, необходимо остановиться на отдельном моменте, который относится к склонностям хариджитов к показной святости, праведности и аскетизму. И при этом следует отметить одну удивительную, выдающуюся и не имеющей налога особенностей истории жизни ‘Али относительно его смелых и решительных мер в борьбе против этих закоренелых и горделивых святош.

‘Али поднял меч на голову этих внешне праведных, правдивых, одетых в лохмотья и склонных к молитвам людей, и убил их всех в поле сражения.

Будучи на месте сподвижников ‘Али, и увидев подобные лица, мы бы возмущались, и упрекали бы его за то, что он поднял меч на подобных людей.

Одним из самых поучительных уроков истории ислама, в целом, и истории шиизма, в частности, является именно вопрос о хариджитах. ‘Али хорошо представлял необыкновенную значимость своих действий в этом направлении и, следовательно, изрек: «Я искоренил эту интригу. Никто кроме меня не осмелился на этот шаг, даже тогда, когда волны тьмы и подозрения брали верх, и опасность достигла наивысшей точки».³

У Повелителя Правоверных ‘Али (мир ему!) в этом плане есть два интересных высказывания. Первое высказывание относится к подозрительности и сомнительности хариджитского течения. Кажущаяся святость и праведность этих людей была таковой, что могла бы ввести в заблуждение даже самых стойких правоверных. Поэтому создавалась своего рода опасная и неясная ситуация и полная подозрительности и сомнениями атмосфера. Второе высказывание состоит в том, что ‘Али уподобил этих святош «собаке», которая охвачена бешенством. Она, будучи бешеной, кусает любого, кто идет ему на встречу. Любой человек или животное от укуса этой собаки через определенное время становятся бешеными и, в результате, также начинают кусаться и тем самым инфицируют других людей и животных. Подобное состояние, если оно окажется продолжительным, будет представлять исключительную опасность. Поэтому мудрые люди незамедлительно стремятся уничтожить подобных собак, отгораживая общество от смертельной опасности.

‘Али отмечает, что хариджиты подобны собакам, они «кусаются» и тем самым способствуют росту численности себе подобных.

Горе мусульманскому обществу, если группе святош и невежественных людей удастся упорно преследовать и угрожать другим лицам. Какая сила в состоянии противостоять подобным неукротимым змеям? Какой стойкий дух может безропотно противостоять этим кажущимся аскетам и святошам? Какая рука может без страха вознести меч над их головой?

¹ Камил мубарред, т. 2, с. 116.

² Нахдж ул-балага, хутба 60.

³ Нахдж ул-балага, хутба 98.

Именно поэтому Али изрек: «Никто кроме меня не осмелился на этот шаг». Действительно, кроме 'Али, который был наделен высшей прозорливостью и стойкой верой, никто из правоверных мусульман, верящих в Бога и приверженных учению Пророка, не осмелился идти мечом против них. Ибо среди обычных людей на подобный шаг способны только люди, не верящие в Бога и не являющиеся приверженцами ислама.

Именно поэтому 'Али в знак великой гордости говорит: «Я и только я смог понять и оценить ту великую опасность, которую представляли для ислама эти святоши. Их лбы, покрытые волдырями (от продолжительных молитв и земных поклонов), их одежда в знак показного аскетизма, их язвительные языки и даже их стойкая вера не могли служить преградой на пути моей прозорливости. Именно я догадался о том, что если бы им удалось укрепиться, то они всех заразят своей болезнью и приводят исламский мир в состоянии застоя, раздробленности и стагнации, нанеся исламу непоправимый урон. Разве Пророк не заявил, что нанесли мне урон две группы лиц: беспечные ученые и невежественные святоши?

Здесь 'Али желает сказать, что если бы не он, то никто в исламском мире не стал бы бороться против хариджитов. И никто больше не осмелился проливать кровь людей, лбы которых были в волдырях от множества молитв; людей, которые были религиозными и идейными, но, вместе с тем, выступили в качестве преграды на пути ислама и, думая, что действуют на благо ислама, фактически были его реальными врагами. Действия 'Али облегчили задачу последующим халифам и исламским правителям в их борьбе против хариджитов. Исламские воины также в своих битвах с хариджитами беспрекословно следовали примеру 'Али, то есть пример 'Али позволил всем другим вести успешную борьбу против этой общины невежественных святош, внешне соблюдающих предписания ислама.

3 – Хариджиты были невежественными людьми. В тот период темноты и невежества суть многих религиозных истин им была неведома. И они комментировали эти истины неверно. Постепенно подобные неправильные трактовки стали частью религиозного учения хариджитов, и они во имя защиты и утверждения своих религиозных воззрений стали проявлять величающую самоотверженность. Вначале, следование исламскому принципу запрещения порицаемого способствовало тому, чтобы хариджиты выглядели в лучшем свете, ибо считалось, что их цель заключается в утверждении этой похвальной исламской традиции.

Здесь следует остановиться и тщательно подумать над одним моментом из истории ислама:

Обращаясь к жизнеописанию Пророка, мы замечаем, что Его Светлость в течение всего 13-летнего периода своей пророческой миссии в Мекке никому не позволял вступить в стезю джихада и даже защищаться от нападков язычников, пока положение мусульман не ухудшилось и часть из них не переселилась в Абиссинию (Эфиопию). Только во второй год пребывания мусульманских переселенцев в Медину Пророк разрешил им вступить на путь джихада.

В период своего пребывания в Мекке мусульмане воспитывались, ознакомились с духом ислама, исламская культура стала проникать в глубины их души. В результате, в период переселения в Медину каждый из них был уже в той или иной степени исламским миссионером и успешно выполнял поручения досточтимого Пророка, который посылал их по различным поручениям к племенам, обитающим на окрестных территориях. Идя на джихад, он уже знали, за какую цель и идею им следует воевать. По словам Повелителя Правоверных 'Али, «они несли на своих мечах свое видение, светлые и рассчитанные мысли».

Подобные закаленные мечи и обученные люди смогли выполнить возложенную на них исламом миссию. Пролистав книги по исламской истории, мы встречаемся с удивительно оригинальными высказываниями и высокой исламской культурой этих людей, которые за несколько лет до этого не знали почти ничего кроме меча и верблюда.

К сожалению, в период правления халифов основное внимание было уделено завоевательным походам, тогда когда одновременно с открытием врата ислама перед другими лицами и обращение их к исламу, единобожие которого привлекал как арабов, так и других народов, назревала необходимость распространения исламской культуры и ознакомление людей с духом ислама.

Хариджиты, в основном были из числа арабов, хотя среди них изредка встречались и представители других народов. Но все они, как арабы, так и представители иных этносов, были невежественными и незнакомыми с исламской культурой. Они стремились восполнить все свои промахи с опорой на многочисленные и продолжительные молитвы. ‘Али (мир ему!), характеризуя их дух, говорит: «Это грубые люди, лишенные высоких и стройных мыслей, люди низкие, подобные рабам и интриганы, которые собрались со всех регионов. Эта лица, которые в первую очередь нуждаются в воспитании. Их следует обучать исламской культурой, чтобы они лучше ознакомились с исламскими ценностями. Они нуждаются во власти опекуна, их следует вести за руку, а не оставлять на произвол судьбы с мечами в руках и рассуждающими о сущности ислама. Они не являются ни переселенцами (*мухаджирин*), покинувшими свои дома во имя ислама, и ни *ансарами* (помогающими), которые приняли переселенцев у себя по соседству».¹

Появление прослойки невежественных святош, к которым принадлежали, в частности, и хариджиты, обошлось исламу очень дорого. Наряду с хариджитами, которые, несмотря на все свои пороки, обладали такими качествами, как отвага и преданность, появилась другая группа идейных лиц, которые были лишены даже и этих качеств. Они тянули ислам в сторону монашества и изолированности, содействовали распространению лжи и поверхностного подхода к исламу. Будучи лишенными смелостью идти со стальным мечом в руках против властей, они подняли меч против мудрецов и интеллектуалов. Они стали все чаще обвинять мудрецов в ереси, безнравственности и вероотступничестве.

Во всяком случае, одной из самих явных особенностей хариджитов было присущая им невежество и некомпетентность. Одним из признаков их невежества являлось неумение отличать письменный текст Корана от его смыслов и содержания. Следовательно, они легко поддавались дешевому обману Му’авийи и ‘Амру бин ‘Аса.

У хариджитов невежество сочеталось с молитвой. ‘Али желал вести борьбу против хариджитского невежества. Но каким образом можно было провести разделительную линию между аскетизмом, молитвами и богобоязненностью хариджитов и присущего им невежества. Скорее всего, их молитвы тесно приплетались с невежеством. А подобная молитва с точки зрения ‘Али, который был первоклассным знатоком ислама, никакую ценность не представляла. Поэтому он и разгромил их, а аскетизм, богобоязненность и молитвы не могли служить щитом, способным защитить их от ‘Али.

Подобные лица и сообщества представляют особую опасность в связи с тем, что они легко могут стать орудием в руках ловкачей и способны стать преградой на пути исламских интересов. Неверующие лицемеры всегда настраивают невежественных святош против исламских интересов. Они становятся мечами в руках ловкачей и стрелами в их руках.

‘Али (мир ему!) характеризует подобных людей весьма красноречиво: «Вы – наихудшие из людей. Вы подобны стрелам в руках Шайтана, который использует ваше подлое существо для поражения своей цели и использует вас для того, чтобы ввести людей в заблуждение».²

Мы отметили, что партия хариджитов вначале образовалась с целью возрождения одной конкретно взятой исламской традиции, но невежество и отсутствие прозорливости привели к тому, что они, неверно трактуя аяты Корана, тем самым создали отдельно взятую богословско-правовую школу. Один из аятов Корана гласит: «Решение выносит только Бог, Который разъясняет [вам] Истину, ибо лучший Он из тех, кто судит».³

В этом аяте «выносить решение» считается одним из качеств, присущих Самому Богу. Но здесь следует выяснить, что подразумевается под словом «решение»?

Несомненно, под словом решение здесь имеется в виду закон и порядок в жизни человечества. В этом аяте право законодательства считается только прерогативой Самого Бога, а не кого-либо другого (за исключением тех, которым Богом даны соответствующие полномочия). Но хариджиты понятие «вынесение решения» (*хукм*) воспринимали как власть (*хукумат*), которая включает в себе и понятие суждение (*хакабийат*). И на этой основе в

¹ Нахдж ул-балага, хутба 236.

² Там же, хутба 125.

³ Коран, 6: 57.

качестве лозунга приняли словосочетание «нет другого арбитра, кроме Самого Бога» (*Ла хакама илла-л-Лак*). Тем самым они утверждали, что право на власть, на суждение и на руководство, так же как и на законодательство, принадлежит только Богу и, следовательно, никто другой не имеет право быть судьей и правителем народа, или установить какие-либо законы для людей.

Иногда, когда ‘Али был занят чтением молитвы или проповеди, хариджиты громогласно заявляли, что: «Нет другого правителя и арбитра, кроме Бога, а ты и твои сподвижники не имеете права на власть и на суждение!»

В ответ ‘Али заявлял: «Есть слово истины, а подразумевают под ним ложное! Да, истинно, нет суждения, кроме как у Аллаха, но эти (хариджиты – М.М.) говорят: нет права приказывать, кроме как у Аллаха, однако у людей непременно будет повелитель, праведный или неправедный, так, чтобы по поведению одного поступал верующий, либо повелениями другого наслаждался неверный. Через земное правление Аллах исполняет Свою волю, через Него собираются налоги, бывает повержен враг, охраняются пути и взимается с сильного в пользу слабого, покуда не достигнет отдохновения праведный и покуда не отдохнут от неправедного (притеснителя)».¹

Одним словом, закон сам по себе не исполняется, нужна личность или группа лиц, которые должны принять меры для его исполнения.

4 – Хариджиты были людьми с ограниченным кругозором и отличались своим узким мышлением. Они ограничили ислам и мусульманство в ограниченной рамке своих мыслей. Как и все другие люди с узким кругозором, они считали, что все понимают неправильно, или вовсе ничего не понимают, и все идут неверным путем и должны гореть в аду. Подобные люди с ограниченным кругозором в первую очередь стремятся возвести свои узкие мысли в ранг религиозного учения, они стремятся представить Божественное милосердие ограниченным, всегда представляют Бога восседающим на троне гнева, якобы Он постоянно ждет от Своих рабов какие-либо промахи и упущения, чтобы иметь возможность наказать их. Одно из религиозных убеждений хариджитов основывалось на том, что каждый, кто допускает значительный грех, например, лжет, злословит или пьет опьяняющие напитки, является еретиком, вероотступником и должен вечно гореть в аду. Следовательно, за исключением очень ограниченного круга лиц, все другие люди достойны вечным адским мучениям. Религиозная ограниченность является одной из особенностей хариджитов, но подобная ограниченность в исламском мире наблюдается и сегодня. И, как уже нами было заявлено, сегодня лозунг хариджитов ликвидирован, но дух хариджитского религиозного учения среди отдельных лиц и прослоек в той или иной степени все еще жив.

Все еще встречаются лица с ограниченным умом, которые кроме себя и очень незначительного количества себе подобных, на всех людей земного шара смотрят как на еретиков и безбожников. Тем самым они представляют круг ислама и мусульманства минимально ограниченным.

В предыдущем разделе нами было заявлено, что хариджиты, не знакомые с духом ислама и исламской культурой, были очень отважными людьми. Они, будучи невежественными, отличались недальновидностью и, следовательно, объявляли других людей еретиками и лжецами; они называли еретиком любого мусульманина, не согласного с основами их вероучения; и, так как были отважными людьми, зачастую нападали на властителей и по-своему призывали их к добру и предостерегали их от предосудительных деяний. И на этом пути они всегда готовы были погибнуть. И, как уже нами было отмечено, присущие хариджитам некоторые качества, такие как закостенелость, невежество, показная святость и недальновидность были унаследованы другими людьми, но свойственная им отвага, бесстрашие и самоотверженность были утеряны.

Хариджиты, лишённые отваги, то есть трусливые святоши, оставляя в сторону стальные клинки, воздержались от опасного занятия поощрения властителей свершать одобряемое и запрещать им порицаемое. Теперь они уже стали угрожать жизням ученых людей мечом своих языков. Они всячески обвиняли мыслителей, и в истории ислама встречается малое количество

¹ Имам ‘Али. Нахдж ул балага (Путь красноречия), Москва, «Восточная литература», 2007, хутба 40.

интеллектуалов, которые бы не стали мишенью клеветы этих людей. Одного обвиняли в отрицании Бога, второго в отрицании Судного дня, третьего в отрицании вознесения души, четвертого объявляли суфием, пятого – кем-то другим, и если смотреть на все взглядами этих невежд, то выходит, что никогда в истории не было ни одного реального мусульманского ученого. Действительно, что можно говорить о других, когда еретиком объявляется сам ‘Али? Сия чаща не миновала также и Ибн Сина, Хваджи Насир ад-дина Туси, Садр ад-дина Ширази (Мала Садра), Файза Кашани, Сейида Джамал ад-дина Асадабади (Афгани) и в последнее время даже Мухаммада Икбала.

Ибн Сина в этом отношении говорит:

*Не так легко обвинять меня в ереси,
Нет тверже меня в вопросах веры.*

*Ведь если я могу быть еретиком,
То в мире нет ни одного мусульманина.*

Хваджа Насир ад-дин Туси, обвиненный в ереси неким человеком по прозвище «Низам ал-‘улама’» («Порядок Религии»), сказал:

*Низам, осмелился называть меня еретиком,
Но светильник лжи лишен всякого света.*

*Я назову его мусульманином, ибо ответом
На неправду может быть только ложь.*

Во всяком случае, одной из отличительных особенностей хариджитов является присущая им ограниченность кругозора и недалёковидность; они смотрели на всех других людей как на еретиков и безбожников. ‘Али аргументировано критиковал и осуждал этих людей за подобную ограниченность. Он, в частности, отмечал: «Пророк наказал преступника, но вместе с тем участвовал и на его погребальную молитву. А если бы допущение больших грехов являлось причиной перечисления человека к безбожникам, то Пророк не участвовал бы в подобных погребальных молитвах, ибо читать молитву на церемонии похорон еретика запрещено Кораном.¹ Он наказал пьяниц, велел отрубить руки вору, бить плетью прелюбодея, но всех их считал мусульманами, не запрещал выдавать им долю из общей казни (*байт ул-мал*) и разрешал им вступать в брак с мусульманками. Пророк, принимая по отношению к ним меры наказания согласно исламским законам, тем не менее, не вычеркнул их имена из списка мусульман».²

Кроме того, он изрек: «Допустим, что я допустил ошибку, и стал еретиком, то почему на этом основании объявить еретиками все мусульманское общество? Разве ошибки и пороки одного человека могут быть причиной порочности всех других людей? Почему вы вознесете свои мечи над головами невинных и виноватых (на ваш взгляд) людей и убиваете их без разбора?».³

Здесь Повелитель Правоверных обвиняет хариджитов с двух позиций, и, соответственно его отталкивающая сила воздействует на них двояким образом: во-первых, в связи с тем, что они возлагали совершенные одним лицом грехи на других; и, во-вторых, в виду того, что допущение греховных поступков ими воспринималось как отторжение от ислама.

‘Али осуждал недалёковидность и ограниченное мышление хариджитов, и его борьба против них, действительно, была борьбой против подобного способа мышления, а не против каких-либо конкретных индивидов, ибо если индивиды не мыслили подобным образом, то и ‘Али поступил бы с ними иначе. Он проливал их кровь, чтобы со смертью были уничтожены

¹ Коран, 9: 84.

² Имам ‘Али. Нахдж ул-балага, хутба 127.

³ Там же, хутба 127.

также и присущие им идеи, чтобы смысл Корана был понят правильно и мусульмане узрели ислам и Коран в реальном фоне, таким, каким пожелал Великий Законодатель (Бог).

Хариджиты именно из-за своей недалёковидности и неправильного понимания были обмануты, когда противник прикрепил листы с записями Корана к кончикам копья. И тем самым, они создали для ислама величайшие опасности. Они не позволили 'Али довести сражения до победного конца, навсегда уничтожить Му'авию, его идеи и тем самым покончить с разбродом в исламском мире. И это было чревато для исламского мира тяжёлыми последствиями.¹

Под воздействием своей недалёковидности хариджиты практически всех других мусульман считали иноверцами, они не употребляли в пищу мяса животных, забитых другими мусульманами, считали всех мусульман (кроме хариджитов) достойными казни, не вступали с ними в брачные отношения.

Хариджитское воззрение было производными от невежества и интеллектуальной стагнации. Последователи этого течения были лишены способностью анализа, и не могли отличить частное от общего. Они думали, что если в одном отдельно взятом случае суждение арбитража окажется неверным, то принцип арбитража в корне является неверными, тогда когда вполне возможно, чтобы арбитраж в своей основе был верным и правильным, а отдельные его суждения оказались ошибочными. Следовательно, в упомянутом предании об арбитраже мы замечаем три этапа:

1 – По историческим свидетельствам, 'Али был несогласен с затеей об арбитраже. Он считал предложение сторонников Му'авии обманом и хитростью и упорно сопротивлялся этому предложению.

2 – Он не был согласен, чтобы в случае назначения арбитража в его состав входил Абу Муса, ссылаясь на то, что он не подходящая кандидатура для этого. Он настаивал на то, чтобы с его стороны в состав арбитража входили Ибн 'Аббас или Малик Аштар.

3 – Принцип арбитража приемлем, его не следует считать ошибочным.

В этом отношении Абу-л-'Аббас пишет: «'Али спорил с хариджитами и сказал им: «Заклинаю вас Богом, скажите, кто-либо из вас был более принципиальным противником проведения арбитража, чем я? Они ответили: «Бог свидетель, что нет!». Затем Его Светлость сказал: «Разве не вы заставили меня согласиться с тем, чтобы арбитраж состоялся?». Они ответили одобрительно. После чего 'Али спросил у них: «Тогда почему вы сопротивляетесь и меня отвергаете?». Они в ответ сказали: «Мы допустили великий грех и должны раскаяться. Мы раскаялись, и ты также должен раскаяться. В ответ он изрек: «О Боже, прости все мои прегрешения!». Хариджиты, численность которых достигала около 6 тысяч воинов, заявили, что 'Али раскаялся, и теперь мы ждем его приказа двинуться походом в Шам (в Сирию против Му'авии – М.М.). Один из них по имени Аш'ас бин Кайс подошел к Его Светлости и сказал: «Люди говорят, что ты считаешь арбитраж заблуждением, и признаешь его проведение ересью». Его Светлость поднялся на минбар, читал проповедь (*хутбу*), а затем изрек: «Те, которые утверждают, что я отказываюсь от арбитража, говорят неправду, а всякий кто считает его заблуждением, сам заблуждается. Хариджиты покинули мечеть и вновь восстали против 'Али».²

То есть здесь Его Светлость считает предосудительным не принцип арбитража, а действия Му'авии и его сторонников, которые использовали проведение арбитража в своих корыстных целях.

¹ Из всех последствий этого положения в исламском мире в большей степени привлекают внимание психологические удары, которые были нанесены мусульманам. Священный Коран установил, что воззрение и мышление являются фундаментом исламского призыва. Коран объявил врата иджихада и рационального мышления открытыми. Например, аят 122 из суры 9 Корана гласит: «Почему бы не отправить из сообщества каждого по отряду, чтобы укрепиться в Вере и по возвращении увещевать людей [оставшихся]? Быт может, станут избегать они [зла]. Или в аяте 29 суры 8 говорится: «Если богобоязненны вы, наградит вас Всевышний способностью отличать [Истину от лжи], простит вам проступки ваши и отпустит [грехи] – ведь велик Он щедростью». Хариджиты, вопреки этим кораническим установкам, на основе которых исламский фикх всегда должен был оставаться динамичным и развивающимся, приступили к действиям, приводящим к стагнации и застою. Они воспринимали исламское просвещение как догму и распространили свои воззрения на весь спектр исламского учения. (*прим. автора*)

² Абу-л-'Аббас. Ал-каmil фи-л-лугат ва-л-адаб, т. 2, с. 134.

С другой стороны, он не ставил знак отличия между властью Корана и власти народа. Принятие власти Корана основывается на признании предписаний этой Священной Книги относительно различных событий и на действиях согласно этим предписаниям. В этом плане Его Светлость говорит: «Поистине, не призвали мы к суждению людей, но поставили мы судьей Коран. А Коран этот – список, меж двух кусков кожи помещенный, и не говорит он языком (человеческим), и необходим ему толкователь. И говорят за него люди. И когда призвали нас люди, чтобы мы поставили судей между ними Коран, мы не были из той партии, что отворачивается от Книги Аллаха Преславного и Превеликого, как сказал Аллах Преславный: «А если вы разногласите в чем-либо, то обратитесь с этим к Аллаху и Его Посланнику».¹ Так вот, обратиться с этим к Аллаху заключается в том, чтобы мы судили по Книге Его, а обратиться с этим к Посланнику заключается в том, чтобы мы придерживались Сунны его, и если совершается правдивое суждение по Книге Аллаха, то мы – наиболее достойные из числа людей сообразно сему. И если судить по сунне Посланника Аллаха (да благословит Аллах его и его род!), то (и тогда) мы – наиболее достойные из людей и первейшие из их числа».²

По этим высказываниям можно найти ответа на вопрос: управление и предводительство в исламе (согласно шиитской доктрине) должно основываться на принципе назначения и согласно завету (Пророка), так почему же Его Светлость согласился на арбитражное суждение и после этого стойко выступал в защиту принципа арбитража?

Взаимовлияние исламских толков

Изучение вопроса о природе хариджитов является для нас ценным с учетом необходимости понимания их влияния на историю ислама с точки зрения политики, убеждений, настроений, фикха и предписаний. Различные толки и группы, несмотря на разницу в присущих им лозунгах, иногда могут оказать друг на друга определенное духовное влияние. При этом конкретно взятый религиозный толк может воспринимать дух и некоторые смысловые основы другого толка, с которым с точки зрения учения находится в противоречии. Природа человека имеет воровской характер. Иногда встречаются люди, которые, например, будучи суннитами, с точки зрения психологии и понимания смысла религии являются шиитами, и наоборот. Встречается и человек, который, будучи по своей природе сторонником шариата, по духу своему является суфием, и наоборот. Таким же образом некоторые могут претворяться шиитами и выдвигать шиитские лозунги, а практически и духовно быть хариджитами. Подобные суждения могут быть верными, как по отношению к индивидам, так и по отношению к конфессиональным сообществам.

Когда религиозные толки соседствуют друг с другом, несмотря на различие в лозунгах, с точки зрения убеждений и вкусов между ними наблюдается определенное взаимовлияние. Следовательно, следует понимать дух различных религиозных толков. Когда мы распознаем дух религиозных толков и историю их возникновения, то нам удастся лучше рассуждать об изменениях, происходящих с ними в последующие века, о духовных взаимовлияниях между ними. С этой точки зрения мысли и убеждения во многом напоминают терминов, которые без всякого на то принуждения переходят от одного народа к другому. Например, после завоевания Ирана мусульманами в персидский язык влилось много арабских слов и, наоборот, несколько тысяч персидских слов вошли в лексику арабского языка. Таким же образом можно рассуждать о влиянии тюркских языков на персидский и арабский языки. Этому процессу подвержены все языки в мире, а так же вкусы и наклонности людей.

Образ мышления хариджитов и их дух в течение истории ислама оказали влияние на исламское общество различными способами. Несмотря на то, что все исламские богословско-правовые школы считают себя противниками хариджитского образа мышления, тем не менее, влияние хариджитской мысли в той или иной степени в них замечается. Это еще раз подтверждает наш тезис о том, что природа человека – воровская, а постоянное соседство и

¹ Коран, 4: 59.

² Имам 'Али. Нахдж ул-балага (Путь красноречия), хутба 125.

общение между людьми способствует этому «воровству». Всегда существовали люди с хариджитскими наклонностями, лозунг которых состоял в борьбе против всего нового. Они приписывали свойства святости даже жизненным средствам, и использование всяких новых средств объявляют ересью. Это, несмотря на то, что в исламе никакие материальные средства и внешние формы не могут быть объявлены священными.

Среди духовных и научных исламских школ также мы встречаемся с такими школами, которые ратуют за разделение между рациональными религиозными основами. Подобные школы представляют собой именно проявление хариджитских тенденций. Они полностью отвергают разум как средство познания истины или установления производных законов. Следование доводам разума у них считается ересью и отходом от религии, тогда когда во многих айатах Корана человечество призывается к использованию разума, а человеческая прозорливость характеризуется как фундамент Божественного призыва.

Например, му'тазилиты,¹ возникшие в начале второго века (середине девятого века), и возникновение которых было связано со спорами вокруг толкования вопроса веры и неверия, также по-своему были связаны с хариджитами. Они были людьми, желавшими в определенной степени думать свободно и формировать рациональный образ жизни. Они, хотя и незнакомые с научными источниками, тем не менее, рассуждали об исламских вопросах сравнительно свободно, допускали критический подход к хадисам; они признали в качестве надежных источников только выводы, аргументированные согласно своим убеждениям и воззрениям.

Эти люди вначале столкнулись с сопротивлением групп, основывающих свои поверхностные выводы исключительно на хадисах, то есть тех которые в качестве аргумента признавали лишь внешнюю сторону хадисов, не имели ничего общего с духом и смыслом Корана и хадисов, не признавали суждения разума.

Хотя му'тазилиты и признавали ценность разума, тем не менее, данная оценка с их стороны была поверхностной.

В течение полутора веков жизни своей рационалистической школы му'тазилиты столкнулись с удивительными перипетиями и, наконец, появилась аш'аритская школа, представители которой отрицали ценность разума, рационалистического мышления и чистых философских размышлений. Они утверждали, что мусульмане обязаны верить тому, что заложено на поверхности повествовательных выражений, и не думать о глубинном смысле положений, ибо всякий вопрос о причинах и аргументах религиозных положений является ересью. Имам Ахмад Ханбал, эпоним одного из суннитских богословско-правовых школ вел принципиальную борьбу против му'тазилитов. В результате он был арестован и подвергнулся пыткам, но от борьбы не отказался.

Наконец, аш'ариты добились победы, и с рациональным мышлением было покончено. Данная победа для рациональной жизни исламского мира была тяжелым ударом. Аш'ариты считали му'тазилитов еретиками. Один из аш'аритских поэтов, после победы своих единомышленников, писал:

*Время правления еретиков миновало,
Нить их жизни ослабла и оборвалась.*

Партия, созданная самим дьяволом,

¹ Му'тазилиты (от араб. – обособившиеся) – представители крупного направления в исламе. Получили свое название в связи с «особлением» от кружка ал хасана ал-Басри (ум в 728 г.) его учеников Васила ибн Ата и Амра ибн 'убайда. Они выдвинули пять принципов: 1) божественная справедливость предполагает свободу человеческой воли и способность Бога творить только «наилучшее», а зантит, и невозможность нарушения Им установленного извечного порядка; 2) строгое единобожие отрицает реальность и извечность Божественных атрибутов, в том числе и атрибута речи, что предполагает «сотворенность» Корана; 3) если Бог обещал «покорным» рай и угрожал «непокорных» адом., то Он обязан осуществить свое обещание и угрозу; поэтому даже Его «милосердие» не в состоянии изменить характер воздаяния за совершенные человеком деяния; 4) мусульманин, совершивший тяжкий грех, находится в «промежуточном состоянии» между верующим и неверующим; 5) мусульманин обязан способствовать всеми средствами торжеству добра и бороться со злом.

Созвала и утопила своих сторонников.

*Все эти люди, собравшиеся в кучу,
Имели ли вообще своего предводителя?*

Школа ахбаритов,¹ которая является отдельно взятой школой шиитского фикха, достигшая в 11 и 12 веках хиджри (17 и 18 вв) апогея своего могущества, также представляет собою своего рода средство разделения рационального начала от религиозного.

Ахбариты полностью отвергали роль разума и при своих выводах относительно исламских предписаний доводы разума стали считать недействительными и недозволенными. Они в своих сочинениях подвергали острой критике представителей другого шиитско-имамитского течения, которые обосновали свои видения на основные принципы (или корни) исламского учения. Ахбариты утверждали, что основополагающими при суждениях о религиозных истинах должны быть только Книга (Коран – М.М.) и Сунна. И при этом доводы, основанные на Книге, ими признавались лишь в случае, когда они были комментированы посредством Сунны и хадисов. Таким образом, они при своих суждениях перестали считать доводом даже Коран, довольствуясь лишь внешними аспектами хадисов.

Мы не намерены анализировать различные направления исламской мысли и рассуждать о воззрениях школ, ратующих за разделение рационального мышления от религиозного, которые представляют собой своего рода хариджитские тенденции. Подобное рассуждение требует много времени и терпения. Мы лишь вкратце остановились на основных аспектах взаимовлияния различных школ, чтобы показать, что хариджитская школа, несмотря на свою недолговечность, с духовной позиции продолжала в той или иной форме проявляться во всех этапах исламской истории. Тем более, что сейчас некоторые современные авторы и интеллектуалы исламского мира преподносят идеи хариджитов в модернистской форме и соединяют их с чувственной (сенсорной) философией.

Политика «прикрепления Корана к копьям»

Политика «прикрепления Корана к копьям» в той или иной степени встречается среди мусульман вот уже 13 веков. Особенно, когда увеличивается число святош, и берет верх показная богобоязненность, данная политика становится предметом особого злоупотребления со стороны разного рода ловкачей. Отсюда можно извлекать нижеследующие уроки:

А) Каждый раз, когда невежественные и некомпетентные лица признаются в качестве образца святости и богобоязненности, и когда люди практически начинают считать их символами мусульманства, в руках корыстолюбивых ловкачей попадают козырные карты. Эти ловкачи будут использовать подобных лиц в качестве средства для осуществления своих целей и тем самым создадут серьезные преграды на пути истинно добродетельных людей. Было немало случаев официального использования данного средства антиисламскими элементами, когда потенциал ислама направлялся против него самого. Западный колониализм в этом направлении накопил огромный опыт и в нужные моменты умело играл чувствами мусульман и, особенно, в области создания разногласия между мусульманами. До чего досадно, когда, например, какой-либо сердобольный мусульманин стремиться к искоренению иностранного влияния и те же люди, которых он стремиться спасти, именем религии создают на его пути преграды.

¹ Ахбариты (араб. мн. число от слова «хабар» - *сообщение, рассказ*) одна из двух богословско-правовых школ шиитов-имамитов, признававшая ахбар единственным источником фикха. А ахбар – это мусульманские предания о словах и поступках Мухаммада. В этом значении ахбар – синоним хадиса. В раннем исламе эти два термина употреблялись как равнозначные. Однако, шииты в процессе формирования своего вероучения провозгласили недостоверными хадисы, переданные сподвижниками Пророка и противопоставили им ахбары, переданные со слов шиитских имамов.

Действительно, когда народные массы невежественны и несознательны, то лицемеры в борьбе за свои интересы будут пользоваться средствами ислама. У нас в Иране, народ которого пользуется честью быть сторонниками и друзьями пречистого «семейства Пророка», лицемеры священным именем ислама строят оборонительные укрепления против Корана, ислама и членов «семейства Пророка», в интересах еврейских агрессоров. И это самая отвратительная форма насилия против ислама, Корана, досточтимого Пророка и членов его семейства.

Досточтимый Пророк изрек: «Я не опасюсь угрозой нищеты моих последователей. Мое опасение связано с возможностью превратного понимания со стороны моих последователей. Духовная нищета моих последователей чревата последствиями, каких от материальной нищеты ждать нельзя».

Б) Мы должны стремиться к тому, чтобы наши выводы на основе Корана были достоверными. Коран может служить путеводителем лишь тогда, когда из него извлекают правильные и достоверные выводы, когда его интерпретации являются научными, когда используются труды наиболее стойких ученых знатоков Корана. Пока извлекаемые нами выводы и аргументации из Корана не будут верными, и пока не научимся правилам и методами использования Корана, мы не можем пользоваться его плодами. Користволюбцы и невежды, читая Коран, опираются на неверные предположения. И, как напоминает в «Нахдж ул-балага», они, произнося слово «Истина», волей своей стремятся ко лжи. Подобное действие направлено не на следование предписаниям Корана и на их возрождение, а на противоречие со Священным Писанием. Следование предписанием Корана возможно тогда, когда его понимание происходит в правильном русле.

Коран постоянно ставит вопросы в общем виде и на принципиальной основе, но аргументации и соответствие общего частному зависят от степени его правильного понимания и верного осознания. Например, в Коране не написано, что в битве, которой состоится между 'Али и Му'авией в такое то время и в таком то месте, правда на стороне 'Али. В Коране лишь сказано, что: «Если сойдутся в драке две группы верующих, то примирите их. Если же одна из них совершит насилие по отношению к другой, то выступайте против той, которая несправедлива, пока не обратится она вновь к предписанию Божию».¹

Таков способ выражения Корана. Но в Коране не говорится о том, что в конкретно взятом бою та или иная конкретно взятая сторона права, а другая - нет.

Коран не называет всех людей поименно, в нем не говорится, что, например, сорок лет спустя появится муж по имени Му'авийа, который будет воевать с 'Али и вы должны воевать, защищая интересы 'Али. И в Коране не должны непосредственно затрагиваться подобные подробности и детали. Коран не должен перечислять все детали и конкретно указывать на их истинные и ложные особенности. Подобная затея невозможно. Коран ниспослан для того, чтобы остаться на вечные времена. Так значит, в нем должны быть освещены принципы и общие моменты, чтобы во все века, когда происходит противостояние между истинной и ложью, люди, руководствуясь общими мерками, выступали в защиту истины. Теперь уже, когда «сойдутся в драке две группы верующих», люди обязаны с открытыми глазами разделить группу праведников от группы насильников. И когда насильник и угнетатель не отказывается от своей затеи и для своего спасения прибегает к помощи хитрости и уловок, чтобы при удобном случае вновь взяться за угнетение, то люди не должны поддаваться его обману. Распознавание всего этого является обязанностью людей.

Коран стремится к тому, чтобы люди развивались в интеллектуальном и социальном плане и, в результате, могли отличить праведных лиц от зловредных индивидов. Коран ниспослан не для того, чтобы выступить в роли опекуна малолетних, непосредственно преодолевая все невзгоды на их жизненном пути и отмечая все конкретные случаи их жизни специальными метками.

¹ Коран, 49: 9.

В основном, распознавание личностей, степени их компетентности, уровня их личных достоинств и приверженности исламу и исламским истинам сам по себе является трудной обязанностью, о которой зачастую мы забываем.

‘Али (мир ему!) изрек: «И поймите. Что вы не познаете праведности, покуда не познаете оставившего ее и не ухватитесь за завет с Книгой, покуда не познаете оторвавшихся от него».¹ То есть, познание принципов и общностей в отдельности не представляет никакой пользы, покуда оно не будет применено к конкретным случаям. Ибо, допустив ошибку относительно индивидов и проявляя некомпетентность при оценке момента, можно под именем истины и ислама и под исламскими лозунгами действовать против ислама и истину и в пользу лжи.

В Коране говорится об угнетении и угнетателе, справедливости и истине, но нам следует выяснить, в каких случаях и по отношению к каким моментам они применимы? Мы не должны угнетателя характеризовать как правдивого, а правдивого называть угнетателем. То есть мы не должны допускать, чтобы неправильная трактовка коранических предписаний привела к уничтожению истины и справедливости.

Необходимость борьбы против раздора

Самой трудной формой борьбы является противостояние раздору, которое представляет собой борьбу против хитрецов, использующих невежественных лиц для осуществления своих целей. Эта битва гораздо тяжелее борьбы против ереси, ибо в битве с невеждами означает борьбу против достаточно известного и изученного во всех планах течения. А борьба с раздором в действительности представляет собой борьбу против замаскированной ереси. У раздора два лица: видимое, объектом которого является ислам, и невидимое, нацеленное на внутренний мир, и целью которого является ересь и интриги. И познание этого лица для простых людей представляется трудным, а иногда даже невозможным, поэтому борьба с раздорами зачастую была обречена на провал. Ибо народные массы зачастую способны распознавать только внешнюю сторону, а тайная сторона и внутренние аспекты положений для них продолжают оставаться неопознанными.

Повелитель Правоверных ‘Али в письме одному из своих сподвижников по имени Мухаммад бин Абу Бакр говорит: «Сказал мне Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!): «Я не боюсь за мой народ – ни со стороны верующих, ни со стороны язычников, ибо что до верующего, то по вере Аллах дарует ему Свою защиту, что же до язычника, то Аллах унижит его за его многобожие. Однако боюсь я за вас со стороны обладателя сердца лицемерного, но языка благозвучного, кто говорит то, что вы [добром] признаете, но делает то, что вы отвергаете».²

Здесь Посланник Аллаха (да благословит его Аллах и приветствует!) говорит о своей озабоченности в связи с действиями лицемеров и сеятелей раздора, ибо массы мусульман не знают об их уловках и интригах и могут обмануться, увидев их благообразную внешность.³

¹ Имам ‘Али Нахдж ул-балага, хутба 147.

² Имам ‘Али. Нахдж ул-балага, письмо 27.

³ Поэтому в истории ислама часто замечаем, что всякий раз, когда предпринималась какая-либо мера в интересах народа, ради улучшения социального и религиозного состояния его жизни и, следовательно, подвергались угрозе интересы стяжателей и угнетателей, то они сразу же стали носить одеяние святош, и стремились показать себя набожными и целомудренными.

Так, халиф Ма’мун, сын ‘Абасидского халифа Гаруна ар-Рашида, прославившийся в истории своими кутежами и сластолюбием, узнав, о восстании алавитов, появляется в обществе в старой и рванной одежде. Даже Абу Ханифа Аскафи, никогда не пользовавшийся его щедротами, в знак восхищения пишет о нем хвалебные стихи:

*Ма’мун, которому ни в Арабе и ни в Аджаме
Нет равных среди правителей исламских,*

*Одевался в меховом халате, который
Был очень изношенным и довольно старым.*

И следует обратить внимание на то, что, чем больше невежд, тем выше возможности раздора и разногласий. Борьба против невежд и невежества сама по себе является и борьбой против раздоров, ибо невежды служат орудием в руках лицемеров. Следовательно, борьба против невежды и невежества равнозначна обезоруживанию лицемера и лишению его меча.

‘Али – истинный предводитель

Все естество ‘Али, история его жизни, его характер и поведения, его внешность, его слова и изречения служат для нас уроком и примером, средством воспитания и примером для руководства.

Так же как и привлекательные качества ‘Али, его отталкивающие особенности являются для нас поучительными и полезными. Мы при посещении его гробницы и во всех других случаях, когда демонстрируем свое уважение к нему, претендуем на то, что являемся друзьями его друзей и врагами его врагов. Другими словами, мы стремимся к точке, которая расположена в атмосфере его привлекательности и которая привлекает нас. Одновременно, мы пытаемся удалиться от тех точек, которые относятся к области его отталкивания.

Все, что нами было сказано в этой книге, составляет лишь отдаленные уголки области его привлекательности и отталкивания. Особенно кратко мы рассуждали об его отталкивающей силе, но из всего сказанного можно делать выводы, что ‘Али особенно сильно отталкивал от себя две категории лиц:

1 – Хитрых лицемеров.

2 – Невежественных аскетов.

Освоение этих двух уроков достаточно, чтобы лица, претендующие на принадлежность к его последователям (шиитам) смотрели на мир открытыми глазами и не поддавались хитрым уловкам лицемеров, были дальновидными и избегали поверхностного взгляда на религиозные

*Его приближенные удивлялись этому,
Желали узнать причину его поведения.*

*Он сказал: «У правителя сохранится слава
В Арабе и в Аджаме, а не красивые одеяния».*

И каждый из властителей по-своему следовал политике «прикрепления Корана к кончикам копья». Они подавляли все старания и самоотверженные устремления, пересекали всякие освободительные движения в зародыше. И все это является следствием некомпетентности и темноты народных масс, которые не могли отличить пустые лозунги от реальной действительности, тем самым лишая себя возможности сопротивляться и провести какие-либо позитивные реформы. И народ каждый раз пробуждался, когда уже было поздно, и следовало начинать все заново.

Одним из важнейших поучительных примеров из жизни ‘Али может быть то, что подобная борьба не является прерогативой особого и отдельно взятого общества. Везде и всегда, когда группа мусульман становятся орудием для продвижения чужих интересов и средством в руках колонизаторов, и когда колонизаторы станут использовать их в качестве щита для защиты своих интересов, а борьба против колонизаторов без преодоления этого «щита» становится невозможным, то вначале следует вести борьбу именно против этих «щитов». И, преодолев эту преграду, затем следует нанести удар в сердце вражеских позиций.

Может быть, интриги Му’авийи при бесчинстве и разрушительных действиях хариджитов оказались действенными и именно поэтому в тот день Му’авийа и его сторонники, такие как Аш’ас бин Кайс, использовали хариджитов в качестве своеобразного прикрытия.

Поучительная сторона вопроса о хариджитах состоит в осознании того, что в любом движении вначале следует уничтожить «щиты» и бороться против невежества. Точно таким образом ‘Али после событий, связанных с арбитражом, первым делом, разобрался с хариджитами, а затем вступил в прямую борьбу против Му’авийи. (Примеч. автора).

а

истины. А современное шиитское общество страдает именно отсутствием достаточной дальновидности и глубинного взгляда на эти истины.

Наше приветствие приверженцам истинного пути!

a

a

a